

Любовная Любовь

в основе реальная история

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Елена Прекрасная

Елена Прекрасная Любовная Любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57101155

SelfPub; 2020

Аннотация

Что такое любовь? Пазл душ, притяжение тел, унисон сердец?
Статусы, штампы, быт?

Какая она? Всепоглащающая, неконтролируемая, жертвенная,
больная, тайная, преступная?

История о запретных чувствах точно не оставит равнодушным.
Родители увидят, как отчаянно и безумно ищут любовь их
недолюбленные дети. Жёны поймут, что измена не всегда про
общественный туалет и грязную похоть. А для молодых девушек
эта книга станет подробной инструкцией о том, как любить
нельзя.

Содержит нецензурную брань.

ВОРА БЬЮТИФОЛ ЛАЙ

Тридцатое августа, раннее утро, перрон. Люди продолжают предъявлять билеты проводнице, не отрывая взгляда от окон вагона и наблюдая, как свободных мест остаётся всё меньше и меньше.

«Ещё чуть-чуть и прямо в рай, и жизнь удалась! Вора бюутифол лай», – играло у меня в голове на всю катушку (да, в школе был немецкий). Я еле сдерживалась, чтобы не запеть в голос. Скорее всего, пассажиры вагона такой фольклор не оценили бы, и уж точно мой восторг не пришёлся бы по душе моим родителям. Используя весь свой артистизм, я с притворной тоской смотрела на маму. Наконец покрасневшая проводница громко крикнула: "Провожающие, покиньте вагон!". Стало заметно свободнее, когда толпа ревущих мам и хмурых пап вышла на платформу. Остались только мы – студенты! Юные, сонные, но воодушевлённые и взрослые! Можно было уже не притворяться, не сдерживать улыбки, не давить слёзы. Хотелось дышать полной грудью, несмотря на жуткую вонь смешавшихся в душном вагоне запахов чипсов, варёных яиц, свежих огурцов и тестостерона. Мне хотелось закрыть глаза и ехать так все пять часов до пересадки, с наслаждением смакуя в своей голове картинки из будущего. Вот я у кафедры, вот в библиотеке, вот на тусовке, а вот в руках красивого, взрослого... Чёрт! Чуть не забыла про прощальный взгляд! Я прижалась щекой к стеклу и медленно подняла веки, поджала плечи, изображая тяжёлый вздох.

Хатико мои стояли напротив и вкрадчиво смотрели мне в глаза, словно гипнотизируя или пытаясь донести до меня какую-то важную мысль. Какую? Мне было неважно. Важным было лишь то, что они остаются там, а я, наконец-то, уезжаю в новую жизнь. Хотя и старая была неплоха. Но так думать я стала значительно позже.

Было мне тогда семнадцать лет. Совсем девочка. Умная, симпатичная, весёлая девчонка невысокого роста, спортивного телосложения. От природы волнистые, густые, русые волосы я старательно выпрямляла утюжком, и кончики прядей щекотали спину чуть ниже узенькой талии. Серо-бирюзовые глаза-хамелеоны чаще отдавали изумрудно-зелёным, но иногда казались небесно-голубыми. Они всегда смотрелись ярко и прохладно на моём бледном лице. Холодный взгляд отвлекал внимание от назойливых маленьких прыщичков, которые я, конечно, замазывала плотным слоем тонального крема. Прямой, вниз смотрящий носик и слегка пухлые губки делали мой образ достаточно милым. Да, хищные выразительные глаза на смазливом, всё ещё детском личике определенно добавляли моей внешности чарующую привлекательность. Но всё же своей сильной стороной я всегда считала начинку – смышлённость, рассудительность, знания, эрудицию и юмор. В голове витали мечты о прекрасной юридической карьере, престижной работе и продуктивной самореализации.

Росла я в авторитарной семье, в ежовых, так сказать, рука-

вицах. Мы жили с родителями в северной деревушке Конёво, добраться до которой можно было только на машине через райцентр Заозёрск, что в десяти километрах от деревни. Конёво было самым близким к нему поселением, и мы с мамой часто ездили туда по важным делам и за покупками. Широкие, просторные улицы пятиэтажек, соседствующие с переулочками деревянных избышек с печным отоплением., современный больничный комплекс с наличием узкопрофильных специалистов., пара вместительных школ с интерактивными досками., вертолётный аэропорт и речной порт для полётов в совсем отрезанные от цивилизации деревушки и даже несколько торговых центров, в которые перекочевали рыночные тётеньки с клетчатыми сумками – всё это делало Заозёрск чем-то средним между маленьким городком и большой деревней. Именно здесь находилась железнодорожная станция, которую непременно миновали все жители района, совершая поездки в большие, настоящие города. Соответственно, на учёбу я ехала сначала полчаса на машине до железнодорожного вокзала Заозёрска, потом на поезде около пяти часов до ближайшего городка Совда, там садилась на автобус и через три часа прибывала на автовокзал Низинска. Низинск был ближайшим к нам крупным сибирским городом. Чуть выше по железной дороге в сторону Урала располагался ещё один большой город Мовшовск, добираться до которого нужно было тем же поездом, но дольше и без пересадок. Почти вся заозёрская молодёжь училась в этих двух

городах, а потом либо оседала там же, либо возвращалась в родные края.

В Конёво было всего улиц пять, не больше. Три магазинчика. Школа, которую конёвские школьники делили с ребятами из соседнего села Хвойный. Между деревнями и сёлами района плотно разросся смешанный лес. На уроках географии нам показывали фотографии Заозёрского района с высоты птичьего полёта. С этого ракурса он был похож на старого лохматого мерина, лежащего в луже на боку. Густой лес казался плотной шерстью на его теле, которая через каждый сантиметр фотографии прерывалась болотами, словно лишаями. А вокруг туловища подступали серые водные круги, в которых бедное животное вот-вот утонет. Это были многочисленные, разные по глубине и форме озёра, в честь которых и назвали наш район Заозёрским. Конёво располагалось на месте головы мерина, на которую из нескольких озёрных кругов, точно пряди гривы, сочились ручейки – малюсенькие речки, на побережьях которых образовывались деревни. Один из таких ручейков-прядей был грязной, высушающей речкой Конюшкой, что текла параллельно самой длинной улице села Конёво. На этой улице и жила моя семья. Двухквартирный дом на земле, печка, банька, огород, палисадник и картофельное поле. По дому и огороду я с раннего детства хлопотала, как маленький хозяйственный домовёнок Кузя. Дела домашние часто делала нехотя, но качественно – а то могла и поджопник получить. С десяти лет, а именно

столько мне было, когда мама родила мне сестру, к умениям мыть посуду, полоть грядки, чистить снег и носить дрова добавились ещё навыки: нянчиться, стирать и гладить пелёнки и гулять с малышкой. А вот уже к пятнадцати годам я могла самостоятельно готовить на всю семью, топить печь, носить воду с колонки, колоть дрова, копать грядки и окучивать картошку. Словом, трудотерапию в нашей семье знаем, умеем, практикуем. Даже не знаю, была ли я ленивой, как многие дети школьного возраста. Родители часто повторяли очень неприятную для меня фразу: «Нет такого «не хочу», есть такое «надо»!» Надо хорошо учиться, надо много трудиться, надо уважать родителей, надо быть умным и успешным, трудолюбивым, старательным, надо любить сестру, надо о ней заботиться и заниматься с ней. А если хочешь погулять, то надо сначала выполнить миллион всяких важных «надо». Помню, как подружки Вера и Оля висели на калитке в нашем дворе и ждали, когда я закончу окучивать отведённые под мою ответственность ряды картофеля. Я старалась закончить работу как можно быстрее, не разгибая спины и непрерывно взбивая тяпкой землю. Когда последний кустик укрылся сухой и рыхлой землёй, я подняла голову в сторону калитки: никто уже меня не ждал. Мне было очень досадно.

Училась я на отлично. Вне учебы занималась всем, чем только могла в своей деревенской школе: олимпиады почти по всем предметам, научные конференции, театр, вокал, спорт. К одиннадцатому классу грамот, дипломов и благо-

дарственных писем накопилось на тяжеленную папку-портфолио. Сейчас сама удивляюсь: как я успевала всё? В голову приходит только одно объяснение – телефонов тогда не было ни у кого. А возможно, была ещё одна причина.

Все свои достижения я мысленно посвящала маме. Отношения с ней всегда были крайне сложными. Она человек очень ответственный, с безупречной репутацией учителя. Вечно занятая работой, другими учениками, домашними делами и заботами о семье. Я всегда ею восхищалась и гордилась. Казалось, не было дела, с которым она не могла бы справиться. Но со мной справиться ей было нелегко. Сколько нервов я ей помотала, шкодила, огрызалась, хулиганила. Наверное, она считала меня неуправляемой. А я считала, что она совсем меня не любит. А тут ещё и сестра фонит, перетягивая и без того небольшое одеяло на себя. Кстати, с Дашей у них всегда были прекрасные отношения, полные любви, бесед, обнимашек и поцелуев. Поразительно, как мать может быть так скупа на эмоции с одним ребёнком, при такой наглядной нежности к другому. Ревность и обида – пожалуй, именно эти чувства съедали меня изнутри почти всё детство. Я постоянно сравнивала мамино отношение ко мне и к Даше. Казалось, Даше можно было всё, и было у неё всё, и ничего взамен от неё не требовалось. А у меня были только обязанности, запреты и наказания. Как же мне не хватало любви. Были между нами жалкие попытки разговоров по душам. Но после них всё возвращалось на круги своя. Это

сейчас я понимаю, в чём эта многовековая проблема отцов и детей. Дети недооценивают переживания и заботы родителей, а родители недооценивают любовь детей. Если б только мама знала, как я люблю её, всем сердцем, безусловно, безоговорочно, как боготворю её, как хочу её ласки и нежности, её похвал, её поддержки. Если б только я могла понимать, как тяжело приходится маме, как сильно она старается ради меня. В детстве мне значительно больше хотелось простых, добрых слов и объятий, нежели каких-то призрачных возможностей будущего и вкусных, дорогих конфет настоящего. Каждый понедельник после школьной линейки я несла ей свои грамоты, как собачушка с костью в зубах и с надеждой в глазах: погладь меня по головке, скажи, какая я умничка, как ты гордишься мной, как любишь меня. Но мама не особо проявляла эмоции на этот счёт. Грамоты убирались в шкаф, звенел звонок, начинались уроки. Я шла на них за новыми достижениями, а мама отправлялась к своим ученикам, с которыми проводила больше времени, чем со мной. И всё-таки хорошо, что она не была моим учителем в школе. Вероятнее всего, чтобы маму не заподозрили в необъективности, она бы нередко занижала мне оценки. Так уже было пару раз, когда мама заменяла в нашем классе приболевшего учителя.

И вот наконец настал тот день, когда экзамены были успешно сданы, итоги зачисления опубликованы, а я, взволнованная и полная надежд, сидела в своём жутко неудобном кресле в вагоне поезда.

Через восемь часов все студенты разбрелись по вокзалу Низинска и смешались с толпой суетливых горожан. Новая жизнь началась достаточно легко. Казалось, что единственной сложностью на тот момент было затаскивание чемодана с банками и рыбным фаршем в маршрутку. По пути в свой новый дом я пыталась запомнить маршрут, но все эти пестрящие вывески на зданиях были настолько яркими и липкими, что улицы походили одна на другую, словно ехали мы по замкнутому кругу.

Низинск был областным центром и по меркам всей области достаточно крупным городом. Однако, в сравнении, например, с Москвой он больше напоминал современную деревню. Когда-то в девяностых его так и называли деревней. Сейчас он стремительно разрастался и вширь, и ввысь. Круглогодично шла стройка огромных районов с необычными, яркими и стильными домами. Улицы, бывшие пару десятилетий назад зелёными, с метровым слоем тополиного пуха, заливались серой плёнкой асфальта. В самых людных точках города разбивались шикарные парки с фонтанами и дизайнерскими инсталляциями. Последние пару лет среди жителей ходил слух о строительстве метро.

Вывалившись из тесной маршрутки примерно в три часа дня, я не сразу отыскала нужный дом, в котором я была всего один раз с мамой, когда приезжала на зачисление. Эпоха интернета и друга-мобильника ещё только-только набирала обороты. Чтобы уточнить, как добраться до дома, мне

пришлось спрашивать прохожих. Звонить для этого маме я принципиально не хотела, ведь её дочь – уже самостоятельная взрослая девочка. Жить мне предстояло в однокомнатной квартире в только что построенной многоэтажке. Мы заключили с родителями договор, по условиям которого я учусь бесплатно, а они покупают для меня жильё. По крайней мере, именно так они меня мотивировали. План их сработал, и мне не пришлось скитаться по съёмным квартирам, так же как и не удалось познать общажной романтики. Недолго поплутав по свежестроенному райончику на окраине города, я остановилась перед ярким, уходящим в небо домом. Открыв дверь квартиры, я уже не могла сдерживаться и дала волю эмоциям. Я ходила из угла в угол просторной комнаты, зачем-то заходя на кухню, которая имела причудливо вытянутую форму, затем пробежала длинный коридор и останавливалась в совмещённом с ванной туалете. После пыльной и изнурительной дороги следовало бы принять душ. Но для обычной деревенской девочки это мероприятие было в диковинку. Я любила ходить в баню, даже понимала кайф от влажного горячего воздуха парилки, но здесь всё было иначе. Я аккуратно перешагнула край ванны и повернулась лицом к висящей на стене лейке. Мне хотелось стоять под струйками тёплой воды и гладить намокающую голову ладонями, как в рекламе геля для душа. Через пару минут я разобралась с перепутанными барашками крана и наслаждалась ароматами мятно-арбузной пенки вперемешку с

резкой вонью хлорной воды. Даже этот запах приносил мне удовольствие.

После душа я устроилась на кухне и буквально придумывала, чем себя занять. Вещи разбирать совсем не хотелось. От переизбытка чувств и эмоций аппетита не было, а выходить на улицу было страшно. Район, в котором я теперь жила, был совсем новый. Огромные одинаковые дома, один продуктовый магазинчик «Кассандра» по соседству, широкие дороги с неудобными пешеходными переходами, пока ещё не так много машин, как в более старых районах, и ни одного зелёного кустика. Всё это я разглядывала в окно. Решено: выйти всё-таки придётся. Нарядившись в свой самый красивый сарафан, я спустилась по лестнице, встретив по пути пару бабулек. Они, кстати, с интересом меня разглядывали в лифте. Жильцы ещё не все заселились, и новые лица вызывали у старушек интерес. Конечно, я поздоровалась и поделилась краткой информацией о себе: «Студентка, только приехала с севера, город не знаю, обживаюсь потихоньку».

«Кассандра» оказалась слишком дорогой, пришлось минут двадцать идти до ближайшего торгового центра. Что покупать, я толком не знала, но идти второй раз в такую даль точно не хотелось. Шампунь, мыло, прокладки, туалетная бумага – это мыльно-рыльное. Теперь еда. Самостоятельно выбирать себе продукты непривычно. Готовить я умела и любила, но с витрин на меня буквально пялились печеньки,

шоколадки и конфетки. Через несколько минут моя корзина наполнилась тяжелыми во всех смыслах углеводами.

Второй раз идти в магазин всё же пришлось. Наевшись сладкого до отвала, к ночи я захотела нормальной еды, точнее солёной. В «Кассандре» напротив дома, краснея, я купила лапшу быстрого приготовления. В моей семье такая еда считалась постыдной, и мы никогда её не покупали. Я пробовала лапшу в детских лагерях и в дальних поездках, но сейчас я могла купить эту гадость просто так.

Уснуть был непросто. Завтрашний день меня и манил, и пугал, и тревожил. Перед сном я по привычке приготовила себе одежду, сумку и даже прорепетировала речь для знакомства с новыми друзьями. Я не думала, что могу стать белой вороной или скучным ботаном. Проблем с общением у меня не возникало никогда. Наоборот, я всегда находилась в больших компаниях, легко сближалась с детьми в лагерях. Более того, после смен мне даже писали письма, звонили и приезжали в гости новые друзья. Но в ту ночь волнение накрывало неудержимой лихорадкой. Проворочавшись около часа, я отрубилась после напряжённого дня.

В университет я добралась намного раньше начала линейки, боясь запутаться в автобусах. На входе сидел охранник, не отрывающий взгляд от монитора компьютера. Другие студенты шли непрерывным потоком, в коридорах места становилось всё меньше и меньше. Я внимательно изучала стенды с информацией, пытаюсь понять, куда мне нужно пройти и к

какой группе меня определили. Само здание, с зеркальными витражами по периметру, было завораживающе красивым и показалось мне немного мистическим, как в фильме о мальчике, который выжил. Я, безусловно, гордилась тем, что буду учиться в самом престижном вузе области. Я выбрала это заведение, потому что здесь училась моя мама. Несмотря на то, что меня уже точно брали на бюджетные места в нескольких других институтах, мы настойчиво ждали оглашения запоздавших результатов именно от этого вуза. Мы рисковали, так как, упустив другие предложения по бесплатной учёбе, могли попасть в этот университет лишь на платной основе, а юридический факультет здесь стоил дороже всех остальных в области. К счастью для всей моей семьи, баллов мне хватило для обучения на бюджетном месте.

Сама линейка прошла торжественно скучно. Сначала меня не покидало чувство гордости, но через некоторое время оно сменилось замешательством.

Причины назойливого беспокойства мне были пока неясны.

За несколько часов в университете я определилась с группой, в которой я учусь, нашла своего куратора и познакомилась с парой девочек из других групп. Они были такими же растерянными, как я, и даже немного зажатými. От себя скованности я уж точно не ожидала, но она почему-то была.

Рухнув на неубранный после ночи диван, я лежала несколько минут, пытаясь собрать хаотично прыгающие

мысли. Новые слова, фамилии, названия предметов, новые лица, новые люди, студенты. Студенты! Вот что меня беспокоило. Они были не такие, какими я их себе представляла. Основная масса ребят разительно отличалась от тех, с кем я привыкла общаться. Все они были какими-то слишком уверенными в себе, яркими, громкими, высокими. Выглядели они непривычно, модно, красиво. Нет, я раньше тоже не с бичами дружила, но эти... Они словно пришли на учёбу после фотосессии или вообще только что сошли с обложки журнала. Только не журнала «Маруся», который мне выписывала мама по почте, а с какого-нибудь «Космополитена» или как там его. Мне уже не так хотелось идти туда снова. С другой стороны, девочки, с которыми я познакомилась, имели со мной больше общего, чем эти модели. Хотя те другие, модные, завораживали и пугали. Хорошо, что первое сентября выпало на субботу, и у меня было целое воскресенье, чтобы разобраться с комплексами.

К понедельнику я всё-таки вспомнила, что приехала учиться, и это моя основная цель. На учёбу я пришла вовремя, аудиторию нашла достаточно быстро, села на самый первый ряд прямо напротив лектора. Неделя пролетела незаметно. На занятиях я внимательно и жадно впитывала всё, что говорили преподаватели, а на переменах тайком разглядывала одноклассников. Мы быстро познакомились. Их имена запомнились мне сразу, а моё, скорее всего они даже не слышали. Тех двух девочек с первого сентября я больше не

видела (или забыла, как они выглядели), но и в своей группе я нашла пару человек моей категории. Мы периодически вели несодержательные короткие диалоги.

За эти молниеносные семь дней мне удалось даже несколько раз блеснуть умом и заработать желанные баллы. Баллы в соответствии с новой системой оценивания начислялись буквально за всё: за посещения, за конспекты, за ответы на семинарах, за домашние задания, выступления у кафедры.

На выходных я встретила со своей школьной подружкой-одноклассницей Светланой, высокой, стройной, даже тоненькой, я бы сказала. Волнистые светло-русые волосы всегда аккуратно прибраны, чаще всего в косичку чуть ниже плеч. На вид строгая, но очень милая, голубоглазая с рыжими веснушками, она выглядела намного младше своего возраста. Её семья переехала в Конёво, когда она была в восьмом классе. Мы со Светой быстро подружились. К моему огромному сожалению, влиться в нашу уже сформировавшуюся с первого класса компанию девочек у Светы не вышло. На переменах одноклассники подшучивали над её высоким голосом, похожим на звонкое пицание маленькой мышки. Мои близкие подруги, тоже одноклассницы, Оля, Ксюша и Вера никак не хотели принимать её за свою. Поэтому чаще я проводила время со Светой отдельно от общей тусовки. Вместе мы ходили на вокал, где я неожиданно для себя обнаружила, что Света очень талантливо поёт, и голос

её удивлял диапазоном и мощностью звучания. Она как-то сразу стала для меня родным человеком, будто с ней мы тоже росли вместе с первого класса, как с другими моими подружками. В Низинске из всех моих близких девочек училась только Света, и я испытала огромное облегчение при встрече с ней. Мы наперебой рассказывали друг другу о новых впечатлениях, о своей новой бьютифол лай.

– Там всё не так, как в школе! – пожаловалась я Свете, усевшись рядом с ней на диван. – Лекции такие длинные, так тяжело сидеть по два часа. Преподы говорят быстро, я не успеваю записывать. Насокращаю слов, потом вообще невозможно понять, что я понаписала! А записываю я абсолютно всё, что говорят преподаватели, боюсь пропустить какую-то важную информацию.

– Ага, я тоже не успеваю, домашки задают очень много, вечером времени свободного почти нет, – поддержала моё негодование Света.

Она тоже была достаточно амбициозной и смышлёной, к учёбе относилась не менее ответственно, чем я. Света поступила в тот же университет, но на исторический факультет.

– Света, ты уже нашла себе друзей? – меня особенно интересовал этот вопрос.

– Да! У меня классная группа, почти все деревенские, мы завтра собираемся у Петьки на хате, – подруга моя с аппетитом уплетала бутерброды, лежащие на тарелке прямо на диване, и казалась вполне довольной городской жизнью. Воз-

можно, ей было проще, ведь в Конёво она приехала из огромного мегаполиса и была знакома с городской жизнью.

– Повезло тебе. У меня одни мажорные фифы, ездят сами на дорогих тачках. Прикинь, почти у всех есть своя машина! Прямо как в американской комедии. Обсуждают, кто где одевается, и называют какие-то крутые магазины. Вчера спросили, где я одеваюсь. Я сказала, что на рынке, они так долго смеялись и больше со мной не разговаривали. Да я и язык-то их не особо понимаю, я ведь на русском общаюсь, а они, видимо, на своём, дорогом. Хотя, знаешь, примерно восемьдесят процентов из них – кавказцы, так что у меня в принципе нет шансов понимать их речь.

Я была рада за подругу, но с грустью думала о своей группе. Вряд ли мне удастся влиться в их продвинутую тусовку. А те немногие девочки, что приезжали на пары на автобусе, как я, были слишком зажаты и не особо шли на контакт.

– Лена, пойдем завтра с нами, я тебя со всеми познакомлю, они правда классные и простые, – пригласила меня Света.

– Думаешь? Я же буду не в теме ваших разговоров про истфак, – мне было неловко сразу соглашаться, но, признаться честно, эта идея мне понравилась.

– Пффф, да брось ты.

Подруга моя махнула рукой и добавила:

– Будет круто!

Мы встретились на следующий день. Общение организо-

валось само собой. Все мы были одинаковые в этой маленькой съёмной квартирке Пети. Народу собралось прилично, человек одиннадцать, но от этого было только веселее. В холодильнике остывало пиво, ребята то и дело бегали на кухню за добавкой. Я пила совсем по чуть-чуть, так как и без алкоголя очень расслабилась.

Помню, как попробовала пиво впервые. Я уже говорила, что в школе тесно общалась с Олей. Мы вместе ходили в детский сад, а после вместе пошли в первый класс. Оля была весёлой, энергичной девчонкой. Мне всегда нравилось с ней общаться, и мне даже хотелось, чтобы она была моей сестрой. Мы действительно были по-родственному похожи: одинаковый рост, телосложение. У неё тоже были каштановые волосы, только от природы прямые, и она обычно стригла их до плеч. Оля больше времени, чем я, уделяла спорту, играла в волейбол и не очень любила учиться, хотя была умной девочкой. Мы вместе прошли все этапы взросления, многое вместе впервые попробовали, в том числе и алкоголь. Как-то в конце лета, когда нам было по тринадцать лет, Оля спросила:

– Ленка, а ты уже пила?

– Нет, – ответила я и вытаращилась на неё.

– Давай попробуем? – заговорщицки предложила Оля.

– Давай, – быстро согласилась я. А что? Интересно же!

Это вам не водичку из рюмок пить, пока родители не видят.

Мы, старательно подделывая взрослый почерк (то есть вы-

вода слова ровнее и крупнее чем обычно), написали записку: «Продайте моей дочери одну бутылку пива «Калининское», пожалуйста». Зашли в магазин с огромной очередью у кассы и около часа шоркались в углу в ожидании момента, когда народу не будет вовсе. После нескольких неудачных попыток (в последнюю секунду обязательно кто-нибудь заходил за булкой только что привезённого хлеба) мы подошли к прилавку и подали продавцу изрядно замызганную бумажку, свернутую до размера спичечного коробка. Продавщица, конечно, не поверила в подлинность причудливого почерка, больше похожего на прописи первоклашки, но пиво нам продала. По большому счету, ей было всё равно: в нашей деревне пила вся молодежь, начиная лет этак с двенадцати.

Довольные, мы побежали на самую дальнюю улицу села и устроились на высоком берегу Коняшки.

– Как её открывать?

– Давай щепкой.

– Не получается.

– Об забор?

– Как?

– Дай я.

Минут через пятнадцать мы с трудом содрали колючую крышечку, изрядно искромсав горлышко бутылки.

Первый глоток сделала я. Проглотить сразу не получилось. Пока я собиралась с духом, чтобы протолкнуть горький, вонючий напиток внутрь, Оля тоже сделала глоток. Мы

ещё пару секунд таращились друг на друга, пытаюсь понять, стоит ли и возможно ли изображать удовольствие. Так и не сумев обмануть друг друга, мы, громко кашляя, выплюнули сиё поило. Измученную зелёную бутылку Оля выкинула в речку. Хорошо, что Грета Тунберг в то время ещё не родилась.

Зато уже спустя четыре месяца в восьмом классе в конце ноября мы ухрюкались на дне рождения Оли. Отмечали её четырнадцатилетие дома. Нас собралось немного: я, Оля, её подруга Катя, которая была на пару лет старше всех нас, Ксюша и Вера. Тётя Нина, Олина мама, приготовила вкусное горячее, бутерброды и салаты. Застолье было организовано на высшем уровне, как для родителей. По-взрослому было всё, особенно одна бутылка шампанского, неожиданно поставленная тётей Ниной в центр стола.

– Вот вам. Пейте здесь, чтобы потом под забором всякую гадость не хлебать, – сказала тётя Нина строгим тоном, будто точно знала, что все пять девочек непременно собирались сегодня напиться.

В конце вечера, наевшись сладкого и прихватив по горсти конфет, мы пошли гулять. По дороге между мной и Катей произошла ссора. С этой девочкой Оля дружила с раннего детства, так как они жили по соседству на другом конце Конёво. Родители не отпускали меня гулять в тот край, поэтому с Катей я виделась очень редко и не была её подругой. Во время прогулки я случайно очень обидела Катю. Точнее,

я внезапно для самой себя сильно пнула её под попу, после того как она громко крикнула идущему нам навстречу парню: «Эй, а Ленка тебя любит!». Я действительно была в него безответно влюблена последние пару лет. Об этом, кажется, знала вся школа, но он не предпринимал никаких действий, хотя определённо был польщён моими вздохами. Катя поднялась и отряхнулась от снега, из-за сильной обиды она даже не стала слушать мои извинения и пошла домой. Ксюша и Вера ушли с ней, так как им всем было по пути.

Мы с Олей остались вдвоём и какое-то время обсуждали произошедшее.

– Вот так каждый мой день рождения. Всегда этот праздник заканчивается ссорами, – Оле была неприятна наша потасовка.

Мне было обидно за погрустневшую, разочарованную подругу, и я чувствовала себя очень виноватой.

– Давай ещё выпьем? – предложила я в надежде развеселить именинницу.

– Не знаю, а что пить? – Оля встрепенулась, как птичка, которая задремала на тоненькой веточке и проснулась от резкого порыва ветра.

– Только не пиво! – это условие мы произнесли вслух одновременно.

Шампанское от тёти Нины мы, конечно, попробовали. У всех гостей было налито по чуть-чуть, только у Олиной мамы бокал был полный. Пары глотков нам оказалось недостаточ-

но, чтобы понять его вкус, зато достаточно, чтобы захотеть выпить чего-нибудь ещё.

– Давай купим коктейль? – предложила Оля альтернативный пиву вариант.

– Давай, вроде он должен быть сладким.

Я вспомнила, что многие старшеклассники пили такие коктейли на берегу реки, а школьники помладше пинали жестяные банки, из которых вылетали оставшиеся капли, и был слышен приторный сладкий аромат.

В этот раз нам продали без записки, впрочем, она была и не нужна. Продащица, не задавая никаких вопросов, молча протянула нам алкогольный напиток. Мы открыли баночку и сразу почувствовали приятный аромат дыни.

– Ммм... Вкусненько! – вдохнула Оля, потом сделала несколько маленьких глотков и протянула ледяной напиток мне.

Я тоже положительно оценила его вкус и подметила:

– Прикольно, только очень холодно. Домой сейчас идти нельзя, а я уже ног не чувствую. Согреться бы...

– Я тоже околела. Может, ко мне? Мама же знает, что мы выпили, не будет ругаться из-за запаха.

– Нет, у меня скоро горшок прозвенит, – скорчив недовольную рожицу, ответила я.

Гулять меня отпускали тогда до восьми вечера, но после дней рождения можно было приходиться к девяти.

Мы стояли в тёмном неосвещённом переулке, недалеко от

моего дома.

– А пойдём ко мне в баню? Мы сегодня топили, там тепло, и родители вряд ли туда зайдут, – сказала я, уже буквально стуча зубами от холода.

Оля, не раздумывая и не отвечая, направилась в сторону, казалось, идеального варианта для обогрева.

Мы минут двадцать сидели в уже остывшей бане на лавке, вытянув ноги к печке. Было тепло и весело, но я с сожалением поглядывала на часы.

– Блин, так классно. Жаль, что мне пора домой. Пойдём, я провожу тебя чуть-чуть.

Конечно, мне не хотелось прощаться с подругой, но и опаздывать было нельзя. Я всегда боялась наказаний от родителей, хотя частенько нарушала правила, потому что из всех, с кем я общалась, ни у кого не было таких жёстких ограничений. Мне хотелось быть как все, а не уходить в разгар веселья домой. Хотелось иметь свободу, как у всех, а не отпрашиваться в гости у мамы за три дня. Хотелось выбрать на рынке более модную футболку, а не ту, что соответствует школьному дресс-коду, который соблюдала, по-моему, только моя мама.

– А пойдём ко мне ночевать? – радостно воскликнула оттаявшая от мороза и обид Оля.

– Пойдём.

Сама не знаю, почему я так легко согласилась, ведь эту тему с мамой мы поднимали сто раз, и всегда она давала мне

категоричный отказ. «У тебя что, своего дома нет? Что это ещё за ночёвки у чужих людей? Что подумают родители твоих подружек? Что ты бездомная, раз шарисься по чужим койкам?» – несколько раз слышала я от родителей в ответ на свою просьбу. Последние года полтора я уже не пыталась получить разрешение и вообще не поднимала эту тему. Допив последние глотки фантастически вкусного напитка, я направилась к выходу, позвав Олю коротким взмахом руки.

– Сейчас я только маму предупрежу, и пойдём, – я остановила подругу перед крыльцом и открыла дверь в сенях.

Понимаете? «Предупрежу»! Не «отпрошусь», не «спрошу разрешения», а буквально «поставлю перед фактом». Видимо, алкоголь в моей голове напрочь отключил инстинкт самосохранения.

Я зашла в дом, не прикрыв за собой входную дверь. Оля ждала меня в сенях. Помню, что я сразу опёрлась на шкаф в прихожей, так как совершенно не могла ровно стоять на двух ногах. Тогда я даже в мыслях не допускала, что выгляжу как минимум странно и моя мама, конечно, сразу поймет причину этой странности. Я была уверена, что вскоре после короткого диалога с мамой я и Оля будем валяться на мягких подушках в её комнате и до глубокой ночи, часов до двенадцати, болтать о секретах двух взрослеющих девочек.

Мама вышла из спальни и уставилась на меня. Помню её ошарашенный взгляд. Через пару секунд она молниеносно направилась в мою сторону по коридору и одним движением

вместе с шапкой схватила мои волосы. Я машинально нагнулась и увидела, как из щели между уличной дверью и сенями постепенно исчезает Олина голова.

– Оля, я не могу пойти!

– Я поняла, пока!

Потом подруга рассказала мне, что слышала почти до самого своего дома, как меня ругали. На следующее утро я колола дрова. Много. Весь день.

Конечно, такие мои гулянки повторялись ещё и не раз. Чаще всего мы собирались компанией из шести-семи человек и по кругу тянули пару бутылочек пива. Да-да, пиво мы всё-таки распробовали, хотя его вкус по-прежнему оставался неприятным и противным. Запах хмеля маскировать было крайне тяжело. В моей сумочке всегда лежал тюбик зубной пасты, кусочек мыла, который приходилось мочить слюной, и куда уж без жевательной резинки, что в нашей компании была на вес золота.

Вернёмся на Петину вечеринку в Низинске. К часу ночи половина ребят уже спала на маленьком диванчике. Кто-то забаррикадировался в туалете, не желая ни с кем делить такой необходимый ему унитаз. Я, Света и один её одноклассник сидели на кухне в темноте и пели песни Меладзе. Молодой человек был худощавым, смуглым, черноволосым грузином со сложным грузинским именем Нузгари. В ту ночь я поняла, что мне крайне интересна политика. После исполнения одной из моих любимых песен «Верни мне мою

любовь» наша певчая троица резко завела спор о событиях, происходящих на тот момент в Грузии. Тогда я впервые обнаружила, что программа «Новости», мягко говоря, не совсем точно освещает реальную ситуацию. В дальнейшем одним из моих любимых предметов в универе стало информационное право. Преподаватель смело, не всегда тактично и очень интересно рассказывал о продолжающейся, по его мнению, информационной войне. На этих лекциях мы не раз вели горячие дискуссии и пробовали себя в роли начинающих ораторов.

Вечеринка дала мне надежду на дружеское общение с новыми людьми, и одинокое пребывание в группе уже не особенно меня удручало. В конце сентября я нашла подработку в рекламном агентстве. Теперь свободного времени не осталось совсем. В половине седьмого утра я выходила из дома на остановку. В восемь начинались занятия, в перерывах я выполняла домашку в компьютерном классе. В три заканчивалась последняя пара, и к четырём я приезжала на рабочую точку. В подсобке переодевалась в причудливый костюм, выходила в торговый зал и громко кричала за рекламной стойкой: «Бесплатная дегустация от местного мясокомбината! Попробуйте наши вкуснейшие колбаски! Не стесняйтесь!». Уже затемно на последних автобусных рейсах возвращалась домой. И всё-таки мне очень нравилась моя новая жизнь. Всё происходящее меня удовлетворяло. Не хватало разве что любви.

К своим семнадцати годам я уже знала, что такое слёзы по ночам из-за влюблённости. Понимала, что отношения – это что-то очень непростое, часто драматичное и порой даже болезненное. Но серьёзных отношений у меня ещё не было. Я достаточно рано сформировалась внешне. Всегда мне уделяли особое внимание мальчики, писали записки, предлагали дружить, звонили на домашний телефон, приглашали гулять. Могу даже сказать, что у меня был выбор. Я понимала, что многим нравлюсь привлекательной внешностью, и на первого встречного не бросалась. Но это не все нюансы любви. Есть ещё что-то необъяснимое: что-то притягивало ко мне поклонников, кроме милого личика, пышно округлившейся груди и большой упругой попы. Начиная с восьмого класса, мне часто не давали прохода старшеклассники. Наглые, спортивные мальчики могли силой взять меня за руки и зажать в углу. Я всегда сопротивлялась, боялась таких моментов и много раз плакала от мерзких прикосновений. Однако, одновременно с отвращением было во мне чувство, которое я никак не могла распознать. Скорее всего, это было возбуждение, но мой юный мозг тогда ещё не мог правильно определять некоторые ощущения невинного тела.

Я не была самой популярной девочкой, но всегда моя личность обсуждалась в школе. Мне часто приписывали сомнительные любовные связи, которых не было в действительности, но даже придуманные, они негативно сказывались на моей репутации. Нередко это приводило к проблемам, раз-

боркам (как тогда было принято говорить, стрелкам). Как-то раз летом перед девятым классом я прямо спросила у одной сплетницы, почему она распространяет грязные слухи о моей якобы разгульной жизни. Она долго не могла подобрать слов. Я видела, что она боится меня. На той стрелке скопилось слишком много школьников разного возраста (которые, между прочим, пришли не за меня и не за неё, а просто поглазеть), и я по правилам подростковых разборок должна была её ударить. Она это прекрасно понимала. Бить её я не хотела и не могла – это шло вразрез с моим мироощущением. В какой-то момент ситуация вышла из-под контроля, толпа стала провоцировать драку, я начала приближаться к сопернице, мозг мой судорожно придумывал план, как избежать применение силы. Совершенно неожиданно моя говорливая обидчица достала лезвие из кармана и одним резким движением глубоко порезала себе ладонь. Зеваки моментально разбежались. Мы стояли друг напротив друга и некоторое время вообще не знали, что теперь делать. Густая бордовая кровь уже изрядно испачкала её одежду и кроссовки. Делать было нечего. Я взяла её под руку и буквально потащила домой. Родители девочки много пили, но мне всё равно было страшно, что меня могут ждать неприятности. Ни её папа, ни мама вопросов не задавали, а пострадавшая громко сказала, что порезалась случайно во время игры на стройке. Я промывала ей рану под умывальником и еле сдерживалась, чтобы не заплакать. Всё это сильно меня огорчало, и было

очень жаль её. Щедро полив руку перекисью, мы соединили расплзающуюся кожу и наклеили пластырь на ладонь.

– Ты красивая, умная, всегда на виду. Бесит, что всё у тебя так легко и просто. Вот и сочиняем мы всякую чушь, чтобы тебе не так сладко жилось, – говорила она достаточно искренне, и я поняла, что слухи будут продолжаться ещё долго.

Вскоре после этого случая злые языки снова подпортили мне жизнь. В сентябре мы отмечали день рождения одноклассника. С мальчиками мне всегда было легко общаться, и в компании сверстников я была «своим парнем». В какой-то момент я осталась в комнате наедине с одним из них – Алексеем. Он начал говорить, что я ему нравлюсь. Я отшучивалась, как делала не раз в подобных ситуациях. Но он оказался настойчивее остальных. Подсел ко мне очень близко и попытался поцеловать. Мне он совсем не нравился, и от этого напряжение росло с каждым его противным прикосновением. На секунду я почувствовала, что сопротивляться у меня не хватает сил, но, собравшись с духом, решительно его оттолкнула. Он уступил, распахиваясь и вышел первым из комнаты. В течении нескольких минут я приводила себя в порядок, а после меня проводили домой всей компанией. Спустя пару дней я заметила, что мои друзья стали от меня отстраняться. Я напрямую поинтересовалась у парней, почему они не хотят больше общаться, но никто так и не ответил толком. Причину чуть позже мне рассказала Оля. Оказывается, неудачливый домогатель Лёша сказал всем, что в тот

вечер на дне рождения мы переспали. Меня это очень возмутило, и я решила разобраться. На очередной стрелке собрались все мои друзья и все Лёшины кореша. В первые же минуты разбирательств он громко и очень убедительно заявил, что спал со мной по-настоящему. Я была обескуражена, его напористость лишила меня дара речи, возразить ему я так и не смогла. Тем временем он красочно рассказывал о том, как за несколько минут, что мы находились в комнате, он якобы опробовал чуть ли не все позиции камасутры. Я оглядывалась по сторонам и видела, как мои друзья стыдливо отводят взгляд, боясь показать мне своё предательство. Закончился наш практически односторонний диалог моим обещанием сходить к гинекологу. Мы пошли к врачу на следующий же день. Я впервые вскарабкалась на это чудовищно страшное, холодное кресло в смотровой. Женщина в белом халате, едва прикоснувшись ко мне, объявила: «Да что там смотреть, совершенно ясно, что половая жизнь отсутствует». Я робко попросила возмущённую абсурдностью ситуации гинекологиню сказать об этом Алексею. Конечно, моя просьба ей совсем не понравилась, и я жалобно протянула: «Ну, пожалуйста». Вздохнув, она согласилась и вошла в кабинет. Суровым, осуждающим тоном гинеколог обратилась к Лёше: «Молодой человек, эта девочка не лишена девственности». В этот момент я присоединилась к их беседе, и она добавила, обращаясь уже ко мне: «Лена, ты ещё очень маленькая и глупая, не стоит тебе вестись на такие провокации, нужно

уважать себя». Мы вышли на улицу, где нас уже поджидала компания друзей-предателей, все они вопрошающе смотрели на хамовитого героя-любownika. А герой наш не растерялся.

– Она подговорила врача во время осмотра, – всё с той же непробиваемой уверенностью заявил он и выбросил заключение в мусорку.

Все ребята пошли гулять, а я одна плелась в сторону своего дома.

Прошёл месяц, и общение с подругами, отстранившимися от меня из-за нежелания участвовать в этих неприятных разборках, потихоньку налаживалось. В один из вечеров я впервые после этой истории вышла гулять с девочками. На берегу реки, где мы не так давно с Олей впервые попробовали пиво, наша компания облюбовала укромное местечко. В октябре было уже достаточно холодно и рано темнело, поэтому иногда мы разжигали небольшой костерок и грели замёрзшие пальцы. Весь вечер мы мусолили эту тему, подкидывая в огонь сухие ветки и бумажный мусор. В какой-то момент я не выдержала и разрыдалась. Девочки меня успокаивали и говорили, что они на моей стороне. Облегчения от их слов я не испытывала, так как знала, что, как только на горизонте замаячат парни, никто из подруг не рискнет оставаться на моей стороне. Дружба со мной для многих была рискованной и опасной. С одной стороны, я – смешная и компанейская девчонка, с другой – я та, что вечно вляпывается в

какой-то навоз. Как известно, такое удобрение имеет жуткий запах, находясь рядом со мной, скорее всего, вонять будут все. Я пошла домой, хотя в запасе было ещё чуть больше получаса. Подходя к своим воротам, я почувствовала, как волна обиды и разочарования снова подкатила к горлу. Слёзы потекли по щекам, я зажмурила глаза так сильно, что даже слепящий свет фонаря не мог просочиться сквозь веки. Я проваливалась в темноту и чувствовала себя беспомощной и безнадёжной. Вдруг меня окликнул мужской голос:

– Ты чего ревёшь, красавица?

Это был молодой человек на мотоцикле, значительно старше меня, лет двадцати пяти. Я его знала, но из-за разницы в возрасте, конечно, мы никогда не пересекались в компаниях. Отчаявшись от собственной беспомощности, я рассказала ему суть конфликта. Он, не раздумывая, попросил меня сесть на мотоцикл. Почему-то я послушалась. Мы лихо домчались до дома Алексея. Мой защитник посигналил несколько раз, и из калитки вышел Лёша. Парни отошли в сторону, я сидела на мотоцикле и почти не слышала, о чём они говорили. Но говорили они недолго. Через пару минут Лёша подошёл ко мне с разбитым носом и сквозь окровавленные зубы процедил:

– Прости меня, пожалуйста, я так больше не буду.

Я гордо отвернулась и еле сдерживала улыбку злорадства и удовлетворения.

– Ну что, красавица, как отблагодаришь меня? – уже возле

моего дома спросил меня спаситель.

Я вновь почувствовала напряжение, будто кошмарный сон, от которого я только что очнулась, продолжился наяву. Отвечать мне было нечего.

– Что, даже не поцелуешь? Хотя бы в щечку? – кажется, он говорил улыбаясь, но мне не было видно его лица, потому что, насупившись, я смотрела себе под ноги.

– Да ладно, я шучу! Меня-то можешь не бояться, я же не тупой малолетка, как этот. Обращайся, если кто опять обидит, – сказал молодой человек, попрощался и уехал.

Обижали меня ещё не раз, но мой благородный рыцарь в том же месяце отправился отбывать наказание за изнасилование.

Именно из-за этих неприятностей я особо не переживала о том, что у меня нет отношений. Любить какого-нибудь Лёшу от безысходности – так себе удовольствие. Хорошие парни либо были заняты, либо боялись ко мне подойти по разным причинам, в том числе из-за глупых слухов. Я терпеливо ждала своего городского принца, который сможет полюбить меня настоящей, не спрашивая характеристик у односельчан.

В университете принцев было предостаточно, но в основном они относились ко мне никак. Меня для них как будто не существовало. Но я не теряла надежды, а честнее будет сказать, основную часть времени мне было не до романтики и любви. Шквал новых эмоций и ощущений от студенческой

жизни буквально парализовал мою жажду любви и отодвинул её на второй план. Мне хотелось просто наслаждаться учёбой, работой, знакомствами и яркими вечеринками в новой компании Светы. Лишь изредка, когда перед сном оставались силы на фантазии, моё сердце робко напоминало о себе. Я точно знала, что наступит день, когда я встречу его, своего самого крутого, умного, красивого, весёлого, воспитанного и храброго мужчину, который никогда меня не обидит и другим не позволит это сделать.

Такой день наступил, причём абсолютно неожиданно для меня, чем обезоружил мой мозг, лишив его бдительности и рассудка.

ПРИНЦ-КАЧОК

В начале ноября мне позвонила очень близкая подруга из Конёво. Маша была на год старше. Учились мы в разных классах, поэтому и компании у нас были разные. Занимаясь в одном театральном кружке, мы очень сблизились. Общаться нам удавалось редко, но всегда очень тепло, откровенно, по душам. Было между нами что-то незримо связующее и настоящее. Она практически единственная, кто открыто поддержал меня в той ситуации с секс-гигантом Алексеем. Примерно с того времени мы и начали тесно дружить. Машка была очень активной девочкой, артистичной, мы часто вели праздничные концерты в сельском клубе. Но при всей своей общительности и дружелюбности была очень застенчива. Стеснительность её, возможно, объяснялась неки-

ми комплексами из-за лишнего веса, несмотря на который у этой весёлой пампушки-хохотушки было огромное количество друзей. После девятого класса она поступила в колледж Заозёрска. Когда я только уехала в город учиться, Маша уже получала среднее специальное образование.

Всего года полтора назад мы с моей Машулей сидели у неё в комнате и шёпотом обсуждали разновидности поцелуев. Можно даже сказать, я учила её теории поцелуя (хотя сама не то чтобы владела этим умением в совершенстве). Экспресс-обучение техникам слюнообмена должно было пригодиться подруге со дня на день, так как её впервые пригласил на свидание парень. Они познакомились по телефону. Маша звонила родственнице и, неверно набрав номер, попала на Влада. И вот Маша сообщает мне, что выходит замуж. Влад, к поцелуям с которым я её готовила, сделал ей предложение. Удивительно до чего может довести случайное, безобидное общение по телефону. Хотя это было не просто общение. Они часами болтали о всякой чепухе в то время, когда я тщетно пыталась дозвониться до Маши. Узнав о свадьбе, я была очень рада за любимую подружку.

– Конечно! Я приеду! А когда? – радостно кричала я в трубку.

– Шестого ноября. В пятницу. В одиннадцать утра выкуп невесты дома в Конёво, в час регистрация в Заозёрске.

– Вот блин, ехать тогда надо в четверг, а у меня учёба, – я немножко расстроилась, ведь мне совсем не хотелось про-

пускать занятия.

– Только попробуй не приехать, я обижусь, – Маша пригрозила мне так серьёзно, будто она уже заранее обиделась.

– Ладно, спрошу у мамы, – пообещала я, понимая, что пропускать свадьбу подруги мне не хотелось ещё больше.

Мама, естественно, была против прогулов, но я ведь нынче свободная и кругом взрослая. С горем пополам мне удалось уговорить её разрешить мне приехать в пятницу в день свадьбы. На подарок я потратила всю стипендию, и шестого ноября ранним утром на автобусе приехала в Совду. Дождавшись на вокзале поезда, я запрыгнула в вагон, где меня ждала Оля. Она поступила в университет в Мовшовске, и в этом учебном году мы ещё не виделись. Оля тоже была приглашена на свадьбу, так как Машин жених приходился ей многоюродным братом. Всю дорогу мы дико ржали и делились впечатлениями об учёбе. Проживание в разных городах лишило нас привычной возможности частого общения, а тут по пути выдалось почти пять часов для увлекательнейших историй. Я безумно соскучилась по своей подруге.

С поезда нас встречал родной брат Оли на своей машине, и мы помчались напрямиком на выкуп, минуя родительские дома. Мама и папы всё равно в это время работали, а нарядные платья уже заранее были на нас. Красоту необыкновенную и неповторимую мы навели ещё в прекрасных комфортабельных туалетах поезда, что ездит со скоростью велосипеда и ломается примерно каждые сорок минут пути. Ду-

маю, остальные пассажиры были очень благодарны за то, что мы разбавили привычную эржэдэшную благовонь нежными и тонкими ароматами ванильно-кокосово-шоколадно-арбузного дезодоранта. Хотелось бы отдельно отметить прелесть натягивания колготок в тамбуре и выведение угольно-черной подводкой утончённых стрелок, прикрывающих две трети века.

Мы попали с корабля на бал, опоздав на целый час, но монетки ещё брнчали в карманах гостей, лимончики аккуратно лежали на тарелочке, а шампусик бережливо охранялся самыми ответственными, кажется, слегка поддавшими тётеньками. Тамада, стоя на небольшой табуретке, громким командирским голосом пыталась выстроить из гостей живой ручей, размахивая прозрачным мешочком с солью над головами толпящихся в сених людей. Гости прикрывали кудри, обильно сбрызнутые лаком с блёстками. Жених широко и нервно улыбался, иногда переходил на истерический хохот, к нему тут же подбегали подружки невесты и давали успокоительное в белом пластиковом стаканчике. Нужно было срочно начинать. Невесту мне удалось увидеть лишь мельком сквозь чуть-чуть приоткрытую дверь её комнаты. Я не обратила внимания на её красоту, но заметила, что Маша ужасно взволнованна, говорит мало, что ей обычно не свойственно.

Выкуп прошёл шумно и задорно, как, наверное, и полагается на любой русской деревенской свадьбе, хотя мне было

мало что известно о брачных традициях. На подобном мероприятии я присутствовала впервые, поэтому с особенным любопытством наблюдала за происходящим.

В обед вся наша цыганская орда плавно перекочевала в ЗАГС Заозёрска. Торжественность бракосочетания меня не особо вдохновляла и даже казалась унылой. Нас расставили по периметру зала, как на школьной линейке. Церемония тянулась медленно и вяло, благодаря специфическому занудству женщины с красной папкой и шиньоном на голове. Она нараспев завывала гимн бракосочетанию. Я переминалась с ноги на ногу в задубевших туфлях (как и большинство гостей, сменной обуви я при себе не имела, но ноябрьскую погоду обмануть сложно) и бегло осматривала всех присутствующих. Молодожёны трясущимися ручонками калякают подписи, родители крестятся, подружки ревут. А мне что делать? Ну, думаю, надо не выделяться, тоже порыдать. Только я собралась слезу давить, как вдруг загремели фанфары в моих ушах, яркий свет ослепил начинающие краснеть глаза, и он появился в дверях. Клянусь, у него нимб над головой светился, а звуки Мандельштама заменила мелодия Энигмы! Среднего роста, явно взрослый, лет двадцати пяти – двадцати семи, коротко стрижен, почти налысо, но без блеска. На висках виднелись пробивающиеся тёмные волосы. Сразу бросались в глаза его огромные плечи, занимающие весь дверной проём. С минуту я не моргая таращилась на рельефные мышцы под обтягивающей белоснежной фут-

болкой, прикрытой еле застёгивающимся чёрным пиджаком. Подняв взгляд, я даже не сразу заметила маленькие очки без оправы на длинном носище с горбинкой, нет, с горбом! Брутальное лицо мужчины подчеркивали гладковыбритые квадратные скулы, острые, словно лезвие «Спутник» в советском станке, каким бреется мой отец. Элегантно сидящие наглаженные брюки, тесноватые в области бёдер, так и манили развернуть этого красавчика, чтобы полюбоваться наверняка потрясающей попкой. В общем, брутал с нотками интеллигента, помещённый в божественное тело качка! Всё помещение моментально наполнилось запахом секса. Я, будучи колокольчиком ни разу не дзинь-дзинь, поняла, что ягодка моя созрела, пора бы её кому-нибудь сорвать. А этот «кому-нибудь», ясно-понятно, на меня и не смотрел. Прищурившись, он выискивал своими умными карими глазами знакомых. Оторвать от него взгляд у меня никак не получалось. Я гипнотически, откровенно говоря, пялилась, словно пыталась телепортировать ему свои мысли: «Эй, красавчик, я тут! Ты должен обратить на меня внимание! Невеста занята, я свободна, остальные либо старые, либо режут. Ку-ку!». Влюбить его в себя с первого взгляда так и не удалось, ибо все суетливо начали фотографироваться. Гости толпились вокруг молодых, понимая, что именно здесь удастся наиболее прилично выгладеть на фото. Оставались считанные минуты до открытия драгоценных ящиков с шампанским, которое мгновенно преобразит напомаженные лица до неузна-

ваемости.

Далее нас в Конёвском Доме культуры (а культура в нашем селе тесно сосуществовала с блатной романтикой и старушечьим хором «Ветеран») ждала интереснейшая развлекательная программа. Пустые бутылки и привязанные к верёвке карандаши уже ожидали своего выхода и входа на реквизитном столике рядом с бюстгальтерами размера этак седьмого. В общем, как говорится, хороший тамада и конкурсы интересные. Конкурсы, действительно, были интересные. Мне даже посчастливилось в одном из них поучаствовать, точнее, опозориться. Нет, я ни об кого не шоркалась грудью и даже не прыгала на попе на коленях усатого дяди Васи. Я просто стояла последней в ряду из пяти человек. Каждый из нас по очереди называл слово, без которого, по его мнению, брак не может быть счастливым, а тамада вручала молодоженам символ секретного ингредиента брачной кухни. После того как назвали все слова, которые хотела назвать я, подошла моя очередь. Меня охватило смущение, к горлу подступила наполовину переварившаяся селедка под шубой, голос предательски задрожал, и я выпалила это жуткое извращенское слово «СЕКС». Ведущая расплылась в широкой металлической улыбке и, горделиво приплясывая, понесла молодым связку надутых презервативов. Чтобы избавиться от мысли, что взрослая женщина несколько минут надувала шары, которые я не могла бы даже взять в руку, мне пришлось выпить почти залпом стакан корбоч-

ного вина. Аполлон мой тоже времени зря не терял, и уже в следующем конкурсе блестяще, но не без стеснения сыграл Адама. Ева до этого момента была моей хорошей приятельницей с соседней улицы.

В разгар вечера, когда основная часть гостей билась в конвульсиях под Сердючку на деревянном танцполе, я подошла к невесте, которая наконец-то осталась одна.

– Машуня моя, как я рада за тебя! Какая ты счастливая! Я от всей души, от всего сердца поздравляю тебя, хочу, чтобы всё у вас получилось, чтобы вы жили долго и счастливо, как в сказке! – я крепко обнимала подружку и, почти крича из-за громкой музыки, тараторила ей свои нескладные пожелания.

– Спасибо, моя хорошая, – Маша благодарила меня после каждого предложения. Кажется, её уже тошнило от всех этих многочисленных однообразных поздравлений. Меня тоже уже подташнивало, но немного от другого.

Мы ещё пару минут поболтали о том, как проходит свадьба, прежде чем Маша спросила меня о моих делах – точнее, её интересовало, нашла ли я уже себе кого-нибудь.

– Угу... – довольно промычала я, отводя взгляд в потолок, на котором тускло сверкал немытый со времен установки диско-шар.

– Да ты что? Ну, наконец-то! Он городской?

Я отрицательно помотала головой, не переставая натягивать почти маниакальную улыбку.

– Он тоже приезжий? Нет?! А где ты его нашла?!

– Здесь!

– Серьёзно? Да ну нафиг. Кто? Кто он? Покажи мне его?

– А вот угадай!

Маша перебрала всех мужчин в возрасте от восемнадцати до тридцати лет, которые были на её празднике. Моего мачо она не называла, и через минуту я поняла почему.

Когда закончились имена всех присутствующих, она серьёзно на меня посмотрела и, качая головой, протянула:

– Только не он!

– Он что наркоман или свидетель Иеговы? – пыталась пошутить я.

В глубине моего разума начала пульсировать одна ужасная фраза, которую Маша тут же и озвучила:

– Он женат! Ленка, слышишь? Не смей! Я кому говорю!

Ты слышишь, меня. Алё! Что молчишь?

– Да что за херня! Почему так-то? – я мгновенно протрезвела из-за ужасного, дикого, обидного разочарования.

Чудесный, весёлый праздник внезапно стих в моей голове, будто старые стены клуба рухнули, и мы, продолжая сидеть за столом, оказались посреди ноябрьской холодной ночи. Я с досадой подумала: почему мой Купидон такой придурок? Он определённо целился в кого-то ещё из минимум десяти привлекательных парней на сегодняшнем вечере, но промахнулся. Этот качок оказался слишком широким, ходил тут своими плечищами собирал чужие стрелы и женские слюни.

Кто-то резко бухнулся на стул рядом с нами, и Машино внимание переключилось на него.

Ближе к концу моего вечера (именно моего, ведь у меня всё ещё действовало своё расписание, несмотря на вроде бы уже независимую взрослую жизнь) мне снова стало радостно и празднично. Благодаря всё тому же терпкому коробочному напитку я гордо и хладнокровно приняла тот факт, что потрясающий роман с Аполлоном умер в зародыше. В какой-то момент мне показалось, что в этих забавных разновозрастных танцах под песни Михайлова и группы «Рефлекс» есть что-то манящее и, я бы сказала, заразное. Поддавшись всеобщей лихорадке, я направилась в самую гущу кордебалета. Конечно же, в эту секунду заиграла Максим со своей душе-раздирающей медляковой песней. Мне захотелось вернуться на место, но тут я заметила катящиеся в мою сторону яички пухленького и невысокого мужчинки. Это был друг моего несостоявшегося любовника Завранский. Он не то чтобы пригласил на танец, а буквально подхватил меня крепкими короткими ручонками и закружил в темпе значительно энергичнее мелодии. Лицо его было довольным, словно морда кота, добравшегося до трехлитровой банки сметаны.

– Какая вы удивительная! – с неподдельным, ну или тщательно отрепетированным на множестве других девушек восхищением промяукал он.

– Чем же я вас удивила?

Мне был неприятен этот разговор, но внезапно родив-

шийся в голове план по вытягиванию нужной мне информации подсказывал, что грубить этому котяре не стоит.

– Ну, вы вся такая скромная, утончённая и очень красивая! Здесь таких больше нет, – Завранский не сводил с меня глаз, разглядывая, будто под микроскопом.

– Спасибо. А что же друг-то ваш сидит и грустит? По вас что ли, скучает, или у него очки запотели? – я кивнула в сторону красавчика, который с новой непреодолимой силой будоражил мою разбавленную винишком кровь.

– Какой ещё друг? Здесь только ты и я. Надо срочно сменить трухлявый пол ДК на мягкое сиденье моей десятки, мм-мууррр?

– Извините, вы не по адресу, – сказала я как отрезала и выдернула свою руку из его мышеловки: он меня изрядно разозлил.

По непонятной для меня причине, следом за всхлипываниями певицы Максим, заиграл мистер Кредо и раздался сиплый голос тамады:

– Дамы приглашают кавалеров!

Возможность пригласить мужчину на танец всегда казалась мне сомнительным удовольствием, и в этот раз я, конечно, не собиралась никого приглашать. Оказалось, в этом не было необходимости – не успев сделать и двух шагов в сторону своего места, я вновь оказалась в чьих-то сильных руках. Сильных, мускулистых, рельефных, накаченных руках – одна из которых стальной хваткой легла мне на талию значи-

тельно выше, чем могли себе позволить парни, с которыми я нередко танцевала на школьных дискотеках. Другая рука кавалера, слегка сжав, вытянула мою ладонь на уровне плеча.

– Не обращайтесь внимания на моего друга, он излишне самоуверен. Ему почему-то кажется, что все его хотят, – спокойно произнёс предмет моего обожания бархатным басом.

Я лишь кротко похихикала в ответ. Я не могла ничего ему сказать, и не потому, что боялась сморозить чушь, я в принципе физически не могла пошевелить языком. Казалось, и тело больше не под моим контролем, оно таяло, будто масло на ароматном хрустящем батоне.

– Меня зовут Стас, а вы, я так понимаю, Елена? – сказал он, слегка отдалившись от меня, чтобы видеть мои глаза.

– Да, – еле пошевелила губами я и покрылась мурашками.

В этот момент в нас врезалась тётя Люба, мама Маши:

– Ой, Лена, извини. Это твой молодой человек?

Я жутко смутилась и торопливо ответила:

– Нет, тётя Люб, этот мужчина женат. Мы просто танцуем.

– Жаль, вы так красиво смотрите вместе!

Очевидно, ей хотелось сморозить ещё одну глупость, но мой танцор диско, заметив, что я смутилась, отодвинул нас в сторону.

Невероятно, но ди-джей, явно сошедший с ума или получивший от кого-то неплохие чаевые, включал медленные танцы подряд ещё раз пять. От мурашек, проникших в серое вещество, я не могла считать и вообще распознавать музыку.

Мы танцевали и рассказывали друг о друге. Стас ненавязчиво и непохабно восхищался моей фигурой. В частности, с восторгом отметил сильные мышцы моей спины. Он нежно давил пальцами около моего позвоночника, и я чувствовала себя флейтой в руках опытного музыканта.

Только минут через двадцать до меня дошло, что это не сумасшедший ди-джей включает несколько медленных танцев подряд, это сумасшедшие мы танцуем медленно под быструю музыку. Нехотя я всё-таки прервала наш вальс, ссылаясь на то, что все уже косятся в нашу сторону.

Этот почти бесконечный танец выжал из меня все моральные силы, и я решила отдохнуть в просторном холле возле выхода из клуба. Я уселась на лавку, подогнула под сиденье ноги. Прямые руки положила ладонями вниз параллельно бёдрам. Голова моя была опущена, глаза закрыты. Мне хотелось хоть немного успокоить свои мысли и чувства, которые сумбурно кружились в голове, словно горсть сахара в стакане воды. Рядом кто-то сел, я почувствовала всё тот же запах секса, перемешанный с еле уловимым ароматом дорогого парфюма. Мы молча сидели рядом, и наши мизинцы нежно соприкасались. Сахар в моей голове растворился, и мысли постепенно смолкли, им на смену вернулась армия мурашек, обсыпая моё тело и атакуя самые необычные места. Я чувствовала себя беззащитной, полностью подвластной ему. Признаюсь, что меня пугали мои желания, которые мне хотелось исполнить прямо на той лавке. Кажется, колокольчик

внизу моего живота оглушающим набатом звенел на весь Заозёрский район: ДЗИНЬ-ДЗИНЬ-ДЗИНЬ!

До совершеннолетия мне оставалось чуть больше двух недель, а значит, дома я должна была быть как штык в одиннадцатый. Мне пришлось натянуть на горячее, влажное тело полусубок из искусственного меха и попрощаться с гостями и молодожёнами. «Даже Золушка до двенадцати могла бы мизинцами сидеть теребонькаться», – ворчала я про себя по дороге домой. Конечно, Стас предложил проводить меня, но я решительно отказалась (то ли просто хотелось обдумать всё происходящее, то ли я боялась зайти в этот омут ещё глубже).

Обычно, когда меня переполняли эмоции, я почти до утра не могла спать. Остановить скоростной поток мыслей на магистрали анализа новых впечатлений всегда было для меня невозможным. В ту ночь я отключилась мгновенно, как это бывает у совсем маленьких детей, испытавших эмоциональный взрыв.

Для тех гостей, которые не успели воплотить свои грязные мыслишки, придумали второй день свадьбы. Используя все грани своего таланта убеждения, я отпросилась у родителей и снова пошла в сельский клуб, который ещё не успел остыть со вчерашнего вечера. Я с порога направилась к невесте, стоящей в нарядном фартуке около стола со столовыми приборами. Широко улыбаясь, Маша меня обрадовала тем, что кроме подарка, на который я и так потратила всю степену-

ху, надо ещё выстегнуть денюжат, чтобы купить, блин, ложку! Нет, ну я могла проехать к своему месту за накрытым столом в тазике и получить прибор бесплатно. Однако стеснение перед своим красавчиком, который уже сидел в зале, как арабский шейх, с ложкой и вилкой, заставило меня отказаться от столь увлекательной поездки. Когда невеста наконец перестала вымогать деньги у проходящих зомби и позволила им вернуться к жизни с помощью ухи, веселье разгорелось пуще прежнего. Стас при первой возможности пригласил меня на танец, и снова тушка моя крутилась в его объятиях, как кура-гриль на вертеле.

Время пролетело моментально. К концу вечера гости надышали перегаром так, что можно было этим теплом согреть сотню антарктических экспедиторов. Чтобы насквозь не вспотеть, я вышла на улицу остыть и покурить. Да, именно сейчас я сообщаю своему читателю, что курю – самый мой позорный стыд. Помню, как в детстве я по утрам чистила зубы, а папа в это время курил в печку на кухне, и меня жутко тошнило. Я каждое утро зарекалась, что никогда не поддамся этой пагубной привычке. Но в старших классах курение автоматически переносило тебя на следующий уровень по шкале крутости, а мне, как и почти всем моим подружкам, невероятно хотелось быть крутой. Конечно, втягиваться в мир вонючего тумана мне посчастливилось с Олей, которая тоже не устояла перед модной привычкой.

Я спряталась в укромном местечке во внутреннем дво-

ре Дома культуры и не спеша потягивала противный дымок. Стою, курю, ни в кого не дышу. Погружённая в свои мысли, я не заметила, как Стас подошёл ко мне. Постояв пару секунд, он молча взял у меня сигарету и затянулся, слегка закашляв.

– Ты же не куришь? – недоумеваю, спросила я.

– Теперь курю, – Стас пожал плечами, улыбнулся и ещё раз закашлял.

– Зачем тебе это всё? – очень серьёзно спросила я, имея в виду наш очевидный флирт.

– Ты моя Снегурочка! Маленькая девочка в белой шубке, на ресничках снег, щёчки румяные, губки алые, улыбнись в ответ.

Он широко улыбнулся, подошёл ко мне максимально близко и поцеловал.

Весь мой, казалось бы, развитый мозг был против, но, видимо, остальное тело было ему уже неподвластно. Моя белая пушистая шубка, снег, падающий огромными мягкими хлопьями, словно шматками белоснежной ваты, действительно придавали происходящему атмосферу волшебной предновогодней сказки. Снегурочкой меня никто до этого не называл. Красавицей, милашкой, принцессой и прочей банальщиной – да, а вот Снегурочкой...

– Я ведь живая, настоящая, – сказала я тихо, всё ещё находясь от Стаса на расстоянии поцелуя.

Этими словами я хотела ему намекнуть, что не стоит играть с моими чувствами и дарить мне призрачную надежду

на красивую и светлую любовь.

Он не успел как-то отреагировать, потому что мы услышали, как на крыльце клуба зашумели люди. Оказалось, что часть гостей собиралась ехать в Заозёрск в кафе, поскольку время аренды Дома культуры закончилось. Моё время, кстати, закончилось тоже, и я сказала Стасу, что мне нужно домой. Он громко рассмеялся.

– Разве Золушка не может отпроситься у своей крёстной феи ещё на пару часиков? Смотри, карета ещё не превратилась в тыкву, – Стас кивнул в сторону десятки Завранского.

– А мне кажется, что это тыква ещё не превратилась в карету. Опасная заварушка, конечно. Но я, пожалуй, рискну.

Придя домой, я позвала маму на разговор. Мне хотелось поделиться с ней своей радостью от нового знакомства, но я понимала, что это сродни чистосердечному признанию преступника-рецидивиста, которому грозит пожизненное лишение свободы.

– Мама, праздник продолжается. Там очень здорово! Разреши мне сходить ещё на час, пожалуйста. Ну, пожалуйста! Мне правда очень хочется пойти, – я буквально умоляла.

К моему удивлению, мама согласилась, но всем своим видом показала, что эта идея вовсе ей не нравится. Конечно, мне пришлось соврать, что праздник продолжается в Доме культуры.

Боясь, что тыквенная компания меня не дожждётся, я неслась со всех ног и перешла на быструю ходьбу лишь тогда,

когда увидела разрывающуюся от смеха и громкой музыки машину пухляша. Открыв заднюю дверь, я поняла, что для меня совсем нет места. Стас с ехидной улыбкой похлопал себя по коленям, приглашая меня расположить свою молоденькую попку на его квадратных бёдрах. Естественно, так лихо и сумашедше я ещё не каталась. Подъехав к Заозёрскому кафе «Ветхая избушка», шумная компания с хохотом выкатилась из автомобиля. Мы со Стасом остались вдвоём на заднем сиденье. Зайти в кафе нас никто не звал.

Мы ни о чём не разговаривали. Рты наши были заняты друг другом. Целовались мы так, словно в результате этих поцелуев должен был остаться лишь один из нас, так как он попросту бы съел другого. Подсознательно я понимала, к чему эта страсть должна была привести в тот вечер. Понимала, хотела этого и боялась, поэтому оттягивала момент перехода к конкретным действиям настолько, насколько мне хватало сил. Через несколько минут Стас заподозрил, что червячок сегодня в домик не попадёт, и резко прервался:

– Что не так?

Я молча пожала плечами.

– Ты что девственница? – вопрос Стаса больше звучал как утверждение.

Он явно был удивлён и даже поражен этим фактом. Немного подождав, чтобы перевести дыхание, Стас спросил:

– Ты сама-то этого хочешь?

– Да, наверное... – мне сложно было так открыто говорить

о сексе, обычно я была раскрепощённой только в своих фантазиях.

– Тогда нужно подождать, – мой рыцарь почему-то выглядел довольным, несмотря на облом.

– Чего подождать? – я, кажется, расстроилась в отличие от Стаса.

– Более подходящей ситуации. Такая прекрасная девушка не может лишиться девственности на заднем сиденье старенькой десятки, – спокойным тоном объяснил Стас и погладил меня по пряди волос, свисающей на лицо.

Скорее всего, я бы просто сошла с ума от такого благородства, но не успела, так как дверь машины резко распахнулась.

– Ленка, ты чё тут делаешь? Там твоя мать уже вовсю «Избушку» шмонает! Сейчас ментов вызовет! – кричала Оля, будто была моей соучастницей в страшном преступлении.

Сердце моё сжалось, замерло и упало на дно живота тяжелой глыбой. Тут же за руль не менее тяжело упал весёленький кругленький водитель и с каким-то жутким невротическим смехом сам себе приказал:

– Погнали! Щас доставим Золушку домой.

Мы со Стасом по-прежнему оставались вдвоём на своих местах, ударяясь головами о потолок машины на каждой кочке с интервалом в секунд сорок. Я вцепилась в него онемевшими пальцами и постоянно оглядывалась назад, прячась от фар, что слепили нас сзади дальним светом. Внутри вибри-

ровал ливер от всё ещё не стихшего возбуждения, нарастающего страха, и, как говорится, ещё оливьешкой траванулась, наверное.

На трассе нам удалось оторваться от погони, и домой меня привезли раньше, чем успела добраться до Конёво мама. Времени оставалось считанные секунды.

– Пиши свой номер, – приказал Стас и протянул мне свой телефон.

– Ты всё равно не позвонишь, – ответила я, но номер свой написала.

Дома произошёл неприятный и очень громкий скандал-скандалище. После тяжелого разговора с мамой я легла спать, но уснуть долго не получалось. Мне было стыдно, страшно и волнительно. Большая половина меня протестовала и сопротивлялась мысли о влюблённости в женатого мужчину. Но где-то в глубине души разгорался маленький огонёк надежды на большую любовь, которой так жаждало моё сердце. Этот огонёк тогда ещё только слегка щекотал мне нервы, но мозг всё же пытался включить защитные механизмы, чтобы предотвратить пожар, способный спалить мою жизнь дотла.

В воскресенье днём я вернулась в город. Вечером мы встретились со Светой, и я с некоторым сожалением вздохнула:

– Я влюбилась по уши!

– Рассказывай! – Света смотрела на меня очень внима-

тельно и загадочно улыбалась. Секретов друг от друга у нас не было, да и я не смогла бы утаить от подруги даже самые неудобные подробности.

Я суматошно и очень эмоционально поделилась с ней событиями минувших выходных, отвечая на периодически возникающие вопросы подруги. Моя история сначала казалась ей весёлой. Когда я в самом конце, набравшись сил, выдохнула, что Стас женат, Света нахмурила брови и отрицательно помотала головой.

– Не стоит тебе, Лена, в это впутываться. Здесь достаточно классных парней, ты в любой момент можешь найти себе вариант получше, – занудно упрекнула она меня.

– Ты права, – я не стала спорить с подругой, так как и сама понимала, что она права.

Обуздать свои мысли оказалось для меня непосильной задачей. И несколько дней я пребывала в пьяном тумане, словно то коробочное вино до сих пор текло по моим венам. Перед сном я пыталась сосредоточиться на чём-то более важном, например, на учёбе, работе, планах на будущее. Но все логические цепочки в моей голове так или иначе сводились к мысли о нём, воспоминаниям о тех двух незабываемых вечерах, глупым мечтам на тему совместного будущего. «Какое совместное будущее?!» – пыталась я хоть немного прийти в себя, но Стас будто караулил меня на выходе из чертогов разума, ехидно маня ладонью, как только я приближалась ко сну.

Прошла почти неделя, и в пятницу вечером, когда я уже могла концентрироваться на чём-то более реальном, чем наши со Стасом воображаемые дети, он позвонил.

– Привет!

– Привет, – я не стала делать вид, что не узнала его голос, ведь как только раздался первый звук вызова с неизвестного номера, моё сердце тахикардически забилося.

– Как дела? – он говорил так, будто нет ни одной причины для более серьёзного разговора. Хотя я тогда оправдала его элементарным незнанием, с чего начать.

– Зачем тебе всё это? – начать пришлось мне, и я снова задала этот вопрос.

– Что? – Стас всё-таки решил со мной поиграть в дурака.

– Я, может быть, ещё совсем маленькая, но не тупая. Ты женат, и наше общение невозможно, разве не так? – я пыталась сохранять спокойствие, маскируя восторг и ликование строгостью интонации.

– Нет, не так. Но это не телефонный разговор. Когда ты приедешь в Конёво в следующий раз? – лёгкость его тона сменилась решительностью и резкостью.

– Не знаю, скоро у меня день рождения, возможно, родители согласятся на мой приезд, – узды правления беседой незаметно перешли к Стасу, и мне пришлось отложить самые важные вопросы.

– Хорошо, тогда при встрече и поговорим. Как дела? – снова непринужденно спросил он.

– Нормально, отучилась, отработала, теперь ложусь спать.

Мне стало приятно от мысли, что мы снова увидимся. Я подумала, что наша встреча внесёт ясность в мои скачущие, как скоморохи на масленице, мысли. Казалось, будто у Стаса уже готов план, который сделает всех счастливыми.

Далее мы около часа болтали. Практически весь разговор был обо мне, он слушал внимательно, акцентируя внимание на каждой мелочи, словно вёл допрос, который решит мою судьбу. В конце диалога он нежно пожелал мне спокойной ночи и очень серьёзно добавил:

– Звонить тебе я буду сам.

Я покорно согласилась.

Вопросов теперь стало ещё больше. Ни о каком сне и речи быть не могло, но по субботам у меня были пары, и я с трудом заставила себя уснуть.

Всю следующую неделю он звонил мне в перерывах между лекциями, после учебы, когда я была на работе и когда возвращалась домой. Мы говорили много и очень увлечённо. С жадностью узнавали друг друга, смеялись, прислушивались, когда кто-то из нас говорил о своём очень личном, сокровенном, интимном.

Я заметила, что совмещать эти двусторонние интервью с учёбой сложно, и сказала Стасу, что боюсь, как бы наше общение негативно не отразилось на моей успеваемости. Он отнёсся к моему волнению с пониманием, пообещал меньше тревожить меня звонками и СМС. Но из этого обещания ни-

чего не вышло – оказалось, что безобидное влечение друг к другу начинало перерастать в зависимость, и суточная доза наших голосов в трубке телефона увеличивалась с каждым днем.

За эти две недели я узнала, что ему двадцать пять лет, он учился в Мовшовске, как и моя Оля. Получил высшее образование, вернулся в Заозёрск и уже несколько лет работает в крупной федеральной компании на хорошей должности. Стас профессионально занимается тяжелой атлетикой, поэтому он в такой прекрасной форме. Будучи студентом, женился на Марине, которую со школы любил, но их чувства давно угасли. Теперь они соседствуют по разным углам квартиры. Жену он характеризовал исключительно хорошо: красивая, умная, образованная. «Просто так вышло», – объяснял Стас причину их разлада. Просто они больше друг друга не любят. Но оба очень любят свою двухлетнюю дочь, ради которой до сих пор живут спокойной, тихой жизнью в разных комнатах. Как раз на этих разных комнатах я больше всего зациклилась. На тот момент именно информацию о раздельном проживании было проще всего проверить. Стас звонил часто и, находясь в квартире с женой, мог спокойно разговаривать со мной в любое время дня и ночи. Вряд ли при их хороших отношениях он мог бы себе это позволить. Следовательно, он не врёт, и у меня есть все основания верить ему и в остальном. Было ещё несколько подтверждений правдивости его слов о браке, которые я, словно мисс Марпл, тщатель-

но исследовала. «Они действительно не живут как муж и жена, значит, я могу претендовать на его сердце», – подытожила я и завершила мини-расследование на предмет его относительной свободы. Скорее всего, в силу возраста мне было легко отодвинуть в сторону наличие формальностей: штампов и колец. Семейное право в университете ещё не преподавали, и я даже не задумывалась о том, что брак – это юридически оформленное партнёрство, накладывающее на участников договора определённые обязательства. Одним из таких обязательств является невозможность вступать в отношения с другими людьми. Конечно, всё здесь было гораздо проще. Без всяких лекций и учебников я должна была тогда задуматься о морально-нравственной составляющей этого вопроса. Вместо этого я полностью доверилась Стасу, который мастерски внушил мне, что «все мои угрызения совести напрасны, мы не совершаем преступления, чувства не подчиняются законам, наша симпатия безобидна, невинна и непорочна». Он говорил это так уверенно, так твёрдо, что его слова казались абсолютной аксиомой. Мне было легче с ним согласиться и продолжать наслаждаться новыми впечатлениями, отдаваясь этим наркотическим ощущениям влюблённости. Он ничего мне не обещал, ничего не предлагал. Я, в свою очередь, ничего не просила, старалась не задавать неудобных вопросов и уже не сдерживала тот самый огонёк надежды, позволяя ему овладевать каждой клеточкой невинного мозга и тела. Мы оба безответственно пустили всё на

самотёк.

Накануне своего дня рождения в пятницу я снова плюхнулась в кресло автобуса, который вполне мог годиться мне в отцы по возрасту. В Совде я пересела в дребезжащий вагон и около одиннадцати вечера была в родительском доме. Пришлось соврать маме, что Оля и Ксюша тоже в Конёво, и поэтому завтра вечером я уйду с ними гулять. Даже не помню, как к этому отнеслась мама. Скорее всего, плохо, но мысли мои были далеко, и, получив главное – разрешение, я начала представлять различные сценарии моего праздника.

Всю субботу я ждала звонка. Телефон пиликал каждые полчаса, но я безрадостно и угрюмо благодарила всех за поздравления, раздражаясь от того, что звонит не Стас. Около шести вечера пришло СМС: «Будь готова к 19:00». Шоу началось! Я знала, что в этот день всё будет совершенно не так, как в другие дни рождения, своё восемнадцатилетие я точно проведу суперски и буду вспоминать потом всю жизнь! Я была в предвкушении чего-то необычного, но никакого конкретного плана у меня не было.

В семь часов вечера я села к нему в машину, и первое время мы ехали молча, лишь изредка перекидываясь отстранёнными фразами. Подъезжая к Заозёрску, он взял мою руку и спросил:

– Ты готова?

– К чему?

– Тебе понравится, – сказал Стас и нежно поцеловал мою

ладонь с внутренней стороны.

Мы приехали в кафе. В глубине почти безлюдного зала в самом тёмном месте стоял столик. На белоснежной скатерти лежали столовые приборы и пустая посуда. В центре стола величественно расположилась высокая прозрачная ваза с цветами. Никогда в жизни я не видела таких прекрасных роз даже по телевизору. Аккуратно расправленные, словно расчёсанные, влажные листочки окутывали длинные, идеально ровные изумрудные стебли. Бархатные невероятного размера раскрывшиеся бутоны прижимались плотно друг к другу и походили на распушившуюся цветочную шапку. Мне хотелось нырнуть в этот букет лицом и купаться в нежнейших кремовых лепестках, жадно вдыхая потрясающий, пьянящий аромат. Стас дал мне время обалдеть от своего сюрприза и деликатно отодвинул стул, приглашая присесть. Мы устроились друг напротив друга. Он пристально смотрел на меня, словно пытаясь что-то найти на моём лице. Я даже заперезивала, что недостаточно замаскировала прыщ, который, естественно, вылез на щеке за пару часов до встречи.

– Думаю, тебе нужно выпить. Коктейль? Вино? Шампанское? – он вёл себя непринужденно и спрашивал очаровательно улыбаясь.

«Водяры, самогона, коньяка и портвейна, пожалуйста. И, будьте любезны, намешайте всё в одном ведре, чтобы меня выстегнуло прямо тут!» – подумала я, но ему сказала, что не откажусь от лёгкого коктейля.

Мы выпили, разговор стал набирать обороты. Через час мы уже всю болтали, будто между нами снова сотни километров, и мы привычно слышим друг друга в телефоне. Тем временем людей в помещении становилось больше. Некоторые молодые люди подходили поздороваться со Стасом, жали ему руку и вопросительно смотрели на меня.

– Кстати, зал, в котором я тренируюсь, находится здесь в подвале. Раз я тренируюсь каждый день, выступаю на соревнованиях, меня оформили по совместительству тренером, и у меня есть ключи. Хочешь, спустимся, я покажу тебе тренажёры? – не было похоже, что он боится быть на людях со мной, скорее, нам обоим хотелось оказаться наедине.

– Пошли, покажешь мне свой тренажёр, – я занервничала, и юмор срабатывал как самозащита.

Стас оценил мою шутку, в которой, конечно, была только доля шутки, и рассмеялся.

Мы спустились по лестнице и зашли в пустой зал. В коридоре горели лампы, и этого света нам было достаточно. Я тут же изобразила томный интерес к многочисленным железным механизмам. Стас в полумраке принялся показывать, как ими пользоваться, чем просто взорвал мою юную психику! А потом мы прошли в комнату отдыха, где стоял небольшой комод с телевизором и чайником, напротив был огромный угловой диван, а рядом журнальный столик. Дверь мы оставили открытой, чтобы коридорного света хватило и на эту небольшую комнатку. На столе стояла бутылка шампан-

ского, тарелка с фруктами и мои любимые конфеты. Стас не торопил меня. Мы молча сели на диван, в воздухе повисла тишина. Я сильно волновалась, была в замешательстве, возможно, было слышно, как противно скрипят мысли сомнений в моей голове. Но меня манило к Стасу. Я не могла и не хотела сопротивляться соблазну. Он сидел рядом. Не говорил. Не трогал ни угощения, ни меня. Я первая взяла его руку, он тут же притянул меня к себе. Мы поцеловались. Страсть наших объятий то возрастала, то сменялась ласковыми еле уловимыми прикосновениями. Мы то снова пытались друг друга съесть, как тогда в машине, то почти останавливались каждый раз, когда очередной предмет одежды падал на пол. И вот на мне остались только маленькие трусики. Стас расположился полулёжа на диване, откинувшись на спинку. Я сидела сверху лицом к нему и попой чувствовала, как напряжены его горячие, твёрдые, как камень, бёдра. Во время поцелуев между нашими телами не было пространства, и моя юная обнажённая грудь растекалась по его груди, почти такой же выпуклой, но более упругой. Мы взяли за руки, плотно прижимая ладони переплетёнными пальцами, и на мгновение замерли. Стас сквозь темноту всматривался в мои глаза, пытаясь понять, готова ли я к продолжению. Мне хотелось сказать ему вслух, что останавливаться уже поздно, но мой язык забыл, что, кроме поцелуев, он нужен ещё и для слов. Набрав полную грудь воздуха, я парализованно смотрела на Стаса и подушечками пальцев чувствовала его пульс.

Тело Стаса, наоборот, всё было в движении. Плечи и грудь вздымались от частого дыхания, словно после марафона на длительной дистанции. Вытянутые ноги подёргивались, как при мышечных судорогах. А необузданный зверь, пребывая в состоянии полной боевой готовности, пульсировал в такт сердцу. Притянув к себе наши сцепленные руки, я решительно положила их на святящуюся белую ткань своего белья, и через пару секунд на мне не осталось ничего. Стас подхватил меня, словно в невесомости, и бережно положил перед собой. Всё произошло. Очень нежно, долго, робко, больно. Несколько раз он спрашивал меня, нужно ли продолжать, всё ли в порядке, и не передумала ли я. Я лежала с закрытыми глазами, еле слышно кряхтя под тяжестью огромного красивого тела. Положив онемевшие руки на плечи Стаса, я ощущала мурашки на его спине. А может, это были мои, просто им стало тесно на моей коже, и они перекочевали к нему. В какой-то непонятный для меня момент он остановился и сел рядом, взял с полки столика салфетки и аккуратно вытер мои бедра с внутренней стороны. Я приподнялась на локтях, прикрыв грудь руками. Когда Стас встал, чтобы выбросить побагровевшие салфетки в мусорное ведро, жёлтый луч лампы из дверного проёма почти полностью его осветил, я зажмурилась и резко отвернулась. Стас громко расхохотался:

– Серьёзно? Ты всё ещё стесняешься от вида голого мужика?

– А что ты тут своим хоботом размахиваешь, прикройся

хоть ушами, слоняра!

От неловкой ситуации снова сработала моя самозащита и автоматически включился юмор. Напряжение спало, но через несколько минут я почувствовала сильную дрожь, озноб и даже лихорадку.

Пришло время шампанского и фруктов. В полночь мы лежали без одежды на помосте среди штативов и блинов, и я пела ему Пугачёву: «Ты на свете есть».

– Ты божественная! Нет, ты – Богиня. Ты так юна, красива, умна. Я сошёл с ума. Что мне теперь с этим делать? Ты завладела мной. Я не привык быть от кого-то зависимым. А теперь все мои мысли только о тебе. Я не могу нормально работать, тренироваться, спать. Я точно сошёл с ума, – Стас говорил медленно и тихо, наматывая на палец прядь моих волос.

– Разве я в этом виновата? – мне было одновременно и приятно его слушать, и странно от мысли о своей вине.

– А кто же ещё? Ты же меня в себя влюбила, – он повернулся на бок, подпёр голову рукой и поцеловал меня в лоб.

Нежно ласкаясь и изредка обмениваясь фразами, мы не заметили, как стало совсем поздно. Около часа ночи Стас отвёз меня домой. Прощаясь, он ещё раз поздравил меня с днём рождения и протянул продолговатую зелёную коробочку. В ней лежала золотая цепочка с кулончиком, украшенным маленькими камушками изумрудного цвета.

– Выбирал в цвет твоих глаз, – Стас улыбнулся и сам до-

стал цепочку из футляра, жестом предложив надеть.

– Это просто какая-то сказка, – смущённо ответила я и нагнула голову, чтобы ему было удобнее застегнуть украшение.

Дома меня не стали ругать за позднее возвращение, но строго поинтересовались, откуда такой шикарный букет.

– Кажется, у меня появился молодой человек, – осторожно ответила я родителям. Раскрывать перед ними все карты было ещё слишком рано.

ПЕРВЫЙ ГОД

В воскресенье мама отвезла меня на вокзал. Прекрасные розы остались дома. Цепочку я никому не показывала и спрятала в вещах, чтобы избежать лишних вопросов.

Снова город, снова учёба. Теперь мне по-настоящему не хотелось уезжать. В этот раз не пришлось изображать перед родителями тоску, мне действительно хотелось остаться. Родители были уверены, что я грущу по дому, но грусть моя была вызвана лишь горечью разлуки со Стасом.

Зайдя в свою одинокую квартиру, я рухнула на кровать и замерла. Новая жизнь больше не вдохновляла меня. Душа моя словно застыла на перроне Заозёрска, а пустое тело лежало здесь, на холодной нерасправленной кровати. Около полуночи позвонил Стас.

– Лена, ты чего? Почему ты такая печальная?

– Я так скучаю по тебе, – призналась я.

– Я тоже очень скучаю, – после паузы ответил Стас.

Его ответ словно вдохнул в меня жизнь, наполнив мои лёгкие тёплым, приятным воздухом. Я уснула.

С понедельника в бешеном ритме возобновилось наше виртуальное общение. Мы тратили пакеты по триста СМС за считанные дни, проговаривали сотни часов. Он каждые три-четыре дня пополнял мой баланс. Я установила на телефон «аську» (соцсети на тот момент пока не правили миром), и сообщения стали летать ещё быстрее, ещё чаще. Одной рукой я писала конспекты на лекциях, другой под партой строчила СМС, не глядя, не ошибаясь в буквах. Мои одноклассники к тому времени уже наладили общение и объединились в небольшие компании, дружелюбно сосуществовавшие в группе. Я же потеряла и без того небольшой шанс примкнуть к одной из них, так как на любое общение, кроме как со Стасом, не было ни времени, ни энергии. Теперь белой вороной я была не из-за дешёвой рыночной одежды, а из-за сознательного отстранения от коллектива. Но меня это совершенно не волновало. У меня был свой мир, мир стремительно развивающихся отношений со Стасом.

В начале декабря я узнала, что сессии можно закрывать досрочно по заявлению. Я усиленно зарабатывала баллы, чтобы набрать необходимое количество для закрытия сессии не только досрочно, но и автоматом. В середине декабря я успешно сдала всего три зачёта и два экзамена и была свободна от учёбы до конца февраля. До Заозёрска я летела на крыльях любви к своему ненаглядному. У нас было два с по-

ловиной месяца рядом, на расстоянии всего десяти километров! Мы катались на машине по ночам примерно раз в два дня. Иногда заезжали на его работу в офис, ходили в гости к друзьям, у которых и познакомились на свадьбе. Маша отчитывала нас при каждой встрече, бубнила, что всё это неправильно и что мы самые настоящие преступники. А мы мило обнимались на её кухонном диванчике и отшучивались.

Стас познакомил меня с компанией своих друзей, среди которых был уже знакомый мне Завранский. Остальных на Машкиной свадьбе не было, поэтому я увидела их впервые. Алексей среди них самый взрослый: ему было около сорока лет. Среднего телосложения, приятной внешности, возможно, даже красивый для своего возраста, говорливый, часто отпускающий безобидные шуточки. Я толком не знала, чем именно он занимается и как они со Стасом познакомились. На тренировки он не ходил, по крайней мере, так же часто, как Стас. Они не работали в одной компании, а может, и работали когда-то давно. В общем, был он весь загадочный и жутко представительный, солидный. Я не раз замечала, что Стас его очень уважает и прислушивается к мнению Лёши, будто тот был его старшим и любимым братом. Да, все почему-то называли его по-простому – Лёша. Слава тоже был в возрасте за тридцать пять, самый спокойный из них, и, как мне показалось, самый романтичный. Высокий кареглазый брюнет с абсолютно седыми висками. Вячеслав редко много говорил, но всегда внимательно слушал. Ещё один друг,

Кирилл, был немного похож на Завранского. Такой же пухленький, невысокий, но более серьёзный и интеллигентный, в очках, как Стас.

Когда мы проводили время в их мужской компании, Стас гордился мной, моим поведением, манерами, общением с его друзьями. Он таскал меня везде за собой и показывал, как куклу. И, чёрт, это было безумно приятно! Глубокой ночью я приходила домой с прекрасными букетами в руках, полюбившимся мне шампанским в желудке, неземным счастьем в глазах и безграничной любовью в сердце. Пришлось рассказать родителям о моём молодом человеке. Но информацию о нём я выдавала дозированно. Рассказала лишь, что он уже работает, хотя возраст я умышленно занизила, боялась, что моя семья сочтёт его слишком взрослым для меня. С одной стороны, мама с детства внушала мне, что мой избранник должен быть умён, успешен, образован, воспитан, из хорошей семьи, с серьёзными намерениями. Стас подходил идеально по всем этим критериям. С другой стороны, его реальный возраст и тем более статус привели бы моих родителей в ужас. Чтобы избежать домашнего ареста, я делилась с мамой только положительными его характеристиками, внушая уверенность в безопасности наших отношений.

Все мои каникулы я находилась в раю, который создал для меня Стас. Даже с родителями у нас впервые царил гармония и взаимопонимание. Когда я поделилась с любимым своими детскими обидами на семью, он пожалел меня. Мы ча-

сто поднимали эту тему, и каждый раз Стас пытался утихомирить во мне подростковую бунтарку. Это почти всегда работало, и обстановка дома постепенно менялась. Я старалась не лезть на рожон, чтобы бесппроблемно уходить по вечерам на свидания. Мама и папа, замечая моё приподнятое настроение, были рады за меня и шли навстречу моим просьбам.

Особенно мне нравилось находиться на работе у Стаса. Он открывал свой кабинет, и я с интересом разглядывала многочисленные бумажки на его рабочем столе. Мы пили, курили, жарко спорили, внимательно слушали интересные мысли друг друга и просто говорили. Иногда беседы были настолько увлекательными, будто мы соревновались в уникальности мыслей и изящности фраз. Литература, кино, война, история, работа, учёба, религия, космос, жизнь, смерть, казалось, не было тем, которые мы не затронули. Мы подходили друг другу идеально. У нас было всё: любовь, страсть, азарт, экстрим, нежность, ласка, интерес и секс. Последнее слово была для меня особенным. С каждым разом мы постигали таинства секса всё больше и больше. Я взапой читала любую информацию о секретных сексуальных приёмчиках и с удовольствием закрепляла знания на практике. Мне дико льстило его восхищение после каждого нового действия и движения во время ласк. Он признавался, что некоторые ощущения испытывал впервые. А для меня абсолютно всё было новым, завораживающим и магически притягивающим. Мы часами не могли остановиться, но иногда преры-

вались, чтобы смочить пересохшее горло вином, или выкурить по сигаретке с ментолом (я посадила его на эту пагубную привычку). В перерывах Стас красочно говорил о своих чувствах ко мне. Я каждую секунду ощущала себя девочкой, девушкой, женщиной, любимой, желанной, нужной, красивой, умной и, как он постоянно говорил, божественной. Он восхищался мной, заботился, удивлял, старался сделать приятное и не только дорогими подарками, а ещё и милыми, романтичными, юношескими сюрпризами. Например, как-то утром Стас позвонил мне и попросил выглянуть в окно. Все сугробы были расписаны признаниями в любви и ласковыми словами, которые он оставил ночью на снегу яркими красками, пока я спала. Мой влюблённый Аполлон оставлял для меня очаровательные мягкие игрушки в самых разных местах: на крыльце родительского дома, у ворот, на ветках заснеженной яблони. Заходя в его рабочий кабинет, я могла обнаружить на кресле горшочек с фиалками или очередного плюшевого медведя.

Это действительно был рай. Я была счастлива. Я была вся его. Я в нём растворилась. Подарила ему всё, что было у меня: свои мысли, всё своё время, всю свою любовь, своё сердце, всю себя.

На этот раз уезжать было ещё сложнее. Перед посадкой в вагон у меня случилась настоящая истерика, я долго не могла успокоиться. Мама была растеряна и не понимала, что происходит. Поезд тронулся, в окне я увидела, что Стас то-

же приехал попрощаться, но подходить ко мне в таком людном месте опасно, поэтому он всего лишь улыбнулся и исчез. Мне хотелось выпрыгнуть из вагона или выйти на ближайшей станции и позвонить Стасу, чтобы он приехал за мной. Почти до самого города я, всхлипывая, давилась слезами и чувствовала себя самой несчастной женщиной Заозёрского района.

Жизнь потекла в уже привычном русле: учёба, работа, звонки, ожидание. Раз в две-три недели я приезжала в Конёво втайне от семьи и останавливалась на ночь у Маши. Частые приезды расстроили бы моих родителей, которые, наверняка, воспринимали бы их как угрозу моей учёбе. Стараясь быть незамеченной, я с поезда быстрым шагом нырнула в машину Стаса. Мы проводили вместе несколько ночных часов, потом я ночевала у Маши, а утром возвращалась в город. Изнурительная дорога меня не пугала, но обратный путь казался настоящим адом.

На каждый праздник Стас дарил мне незабываемые подарки. Помимо красных дней календаря, мы отмечали каждое шестое число. Стас называл эти даты «месячиной». Курьер доставлял мне красивые коробочки и цветы домой в Низинск, или Стас сам дарил их во время моих приездов в Конёво. Шкатулочка с украшениями постепенно наполнялась, а засохшие лепестки цветов я опускала в ванну и купалась в ароматной водичке, как героиня самых трогательных мелодрам.

Весной у Стаса был отпуск, и он пригласил меня приехать в Мовшовск на майские праздники. В этом городе жили его студенческие друзья, и у них намечался грандиозный вечер встречи. Когда я сошла на перрон незнакомого города, пару минут пришлось приходиться в себя от ослепительного майского солнца. В свете палящих лучей показалась шумная компания, которая что-то кричала, свистела и громко хохотала. Среди незнакомых людей был мой Стас. Он направился ко мне быстрым шагом и практически на бегу приподнял меня. Я смотрела на него сверху вниз, целовала его лоб, нос и щёки. Мы кружились в крепких объятиях, радуясь долгожданной встрече. Я, как всегда, навела красоту в вагоне перед выходом, надела короткое платьице и изящные босоножки. Одна моя миниатюрная туфелька упала на раскалённый солнцем асфальт. Стас аккуратно опустил меня на одну ногу. Затем присел и, ласково поглаживая голень, надел обувь. Подошедшие к этому моменту друзья взорвались оглушительными овациями.

– Ни фига себе, Стасян! Это вот эта дюймовочка тебя так охмурила, что ты ей в ноги падаешь? Так-то я его понимаю! Эй, слышь, у тебя уже есть одна, давай эту я себе заберу! – раздавались крики подвыпивших парней.

Три дня мы беспрерывно смеялись, прикалывались (в том числе на тему моего статуса любовницы), гуляли, пили, ели, бродили по ночным улицам, наматывая многочисленные километры пешком. Несколько раз за день мы со Стасом ху-

лиганили, устраивая внезапные порывы страсти всякий раз, как оставались вдвоём хотя бы на десять минут. Я с упоением ощущала дурманящую беззаботность студенчества. Даже не помню, сколько часов за эти дни мы спали. Спали ли мы вообще?

Также впервые я столкнулась с новым удушающим чувством – ревностью. Компания у них была дружная и юморная. Старые подружки Стаса сразу заметили, насколько я неопытна и даже глупа. Чтобы позлить меня, они демонстративно прикасались к моему мужчине, трогали его плечи, спину, торс. Несколько раз я выходила из себя и убегала поплакать в укромное местечко.

– Ну, что ты устраиваешь здесь? – Стас явно злился на мои истерики.

– Ты что, не видишь, они издеваются надо мной?! – заикаясь от слёз, визжала я.

– Это всего лишь шутки, – Стас не хотел долго успокаивать меня, ведь ему было так хорошо с друзьями, моё поведение ему мешало и нарушало планы.

– Как мне реагировать на такие шутки? Я даже не могу сказать, чтобы они перестали лезть к моему мужчине, потому что ты не мой! – мне хотелось обсудить все неловкие моменты, чтобы понять, как вести себя дальше.

– Придешь, когда успокоишься.

Кажется, Стаса откровенно бесило, что его всегда покорная кукла начинала открывать рот и вести себя не по его сце-

нарию.

Отдышавшись от нахлынувших слёз, я приводила себя в порядок и шла обратно к нему. Стас, как ни в чём не бывало, прижимал меня к себе сильной, тяжёлой рукой и громко чмокал в щёку.

– Успокоилась, моя жемчужина? – он часто называл меня необычными и милыми словами, которые реанимировали во мне ласковые, трепетные чувства.

Эти слова, словно тоненькие шёлковые ниточки, короткими стежками штопали мою разрывающуюся на маленькие кусочки душу. Пожалуй, именно в том маленьком путешествии он окончательно пришил меня к себе и в любой момент мог потянуть за ниточки. Мне ничего не оставалось, кроме как послушно поцеловать руку хозяина. Кукла постепенно превратилась в марионетку. Я не сразу поняла, что стала зависимой от любимого мужчины, и не думала тогда о последствиях. Наша любовь всё ещё казалась мне светлым и добрым чувством.

– Да. Приезжай к шести. Я тебе адрес скину сейчас. Будут все, – сказал кому-то Стас в трубку.

Он всё утро говорил по телефону с разными людьми.

– Куда мы сегодня идём? – поинтересовалась я планами на вечер.

– Ох, любимая, сегодня будет грандиозная тусовка! Собираются все наши ребята! – восторженно ответил Стас.

Ровно в шесть мы зашли в просторное кафе, где было на-

крыто несколько больших столов. Ещё не все приехали, но уже было около тридцати человек.

Стас подходил к кучкам друзей, очень душевно и тепло с ними здоровался, жал руки, обнимался. Молодые люди и девушки приветствовали его очень бурно. Было заметно, как они искренне рады видеть Стаса. Таким составом ребята собирались редко. Судя по тому, что все были разного возраста, я поняла, что они не одноклассники. Когда все уселись и начали бурно обсуждать события из прошлого, мне стало ясно, что их объединяет не студенческая жизнь. Кажется, все они имели общие, не совсем стандартные, интересы.

Я увлечённо слушала истории, которые доносились с разных концов зала. Периодически кто-то вставал и, срывая голос, произносил странные тосты. Я не всегда понимала, о чём идёт речь. Праздник очень напоминал сборище каких-то сектантов. Вместо библии они упоминали какие-то моральные кодексы. Вместо молитв хором повторяли слова из незнакомых мне песен, причём немецких. Было очень громко, суматошно и немного дико.

Я не особо вникала в происходящее. Мне было приятно смотреть на довольное выражение лица Стаса. Он чувствовал себя свободно и легко. Все присутствующие люди были ему родными, это чувствовалась в его радостном взгляде и интонациях. Когда стемнело, часть засобиралась домой. Остались, по всей видимости, самые активные и самые близкие члены этой большой и дружной семьи. Теперь нам хва-

тало одного стола, и мы тесно уселись рядом с друг другом. Я не сразу поняла, что застолье – не самая главная часть сегодняшнего праздника. Меня ждал сюрприз.

Воспоминания о прошлом сменились странными разговорами о каких-то людях, охранных службах и боевых приёмах. Пока я пыталась вникнуть в суть беседы, парни стали собираться на выход. Все молодые люди, включая Стаса, загадочно переглядывались, потирая кулаками носы круговыми движениями.

– Ты сейчас одеваешься и выходишь на улицу. Там найдёшь безопасное место и будешь ждать меня, – внезапно сказал Стас и поднял меня со стула, крепко сжав мой локоть.

Я не успела отреагировать. Любимый мой исчез из виду. На выходе из кафе толпился народ. Надев куртку, я направилась на улицу. Когда вышла из помещения, мне мгновенно стало страшно. Образовалась какая-то неразбериха. Кто-то что-то неразборчиво кричал. Кто-то толкался. Кто-то плевался кровью. Я сделала несколько шагов вперёд и оказалась в самом центре массовой драки. Ужас пронизывал всё моё тело. Я пыталась глазами найти Стаса. Рядом со мной творился настоящий кошмар. Выйти из озверевшей толпы мне не удалось. Я присела на корточки и накрыла голову руками. В тот же миг надо мной пролетело чьё-то тело. Я стала подсматривать сквозь пальцы, пытаюсь найти выход. Гусиными шажками я потихоньку двигалась без определённого направления, сама не зная куда. Кто-то упал рядом со мной, и ме-

ня отбросило на холодный и грязный асфальт. Я попыталась встать, тут ко мне подлетел Стас и, укрывая своим телом, повёл в сторону. Едва мы успели отойти на несколько метров, как к нему подбежал какой-то мужчина в форме и схватил за шею. Стас моментально развернулся и повалил его на землю. Между ними завязалась борьба. Мой Рембо нанёс несколько ударов и, воспользовавшись паузой, крикнул мне:

– Уходи! Я тебя потом найду.

Мужик в форме снова набросился на Стаса, и они смешались в толпе. Я оцепенела. Эти минуты казались мне вечностью. Только что мы мирно сидели за столом, а теперь происходит какой-то апокалипсис. Дерущихся людей становилось всё меньше, а вдоль бордюров валялись окровавленные зомби.

Пока я моргала глазами с открытым ртом, меня дёрнул за руку Руслан. Он был самым дружелюбным из всех, с кем я познакомилась в этом захватывающем путешествии.

– Пошли-пошли-пошли, – хлопая меня по спине, шипел молодой человек.

Он отвёл меня на проспект в сотне метров от кафе.

– Иди по этой улице, мы скоро тебя догоним, – Руслан отпустил мою руку и вернулся к месту драки.

Я брела по тротуарной плитке, ноги не слушались и путались. По щекам текли слёзы чёрным ручьями из-за туши. Зубы стучали то ли от встречного ветра, то ли от общего мандража. Оживлённая улица не замечала моей трагедии. В паре

шагов от меня справа пролетали автомобили, люди совсем близко слева проходили мимо, отводя глаза в сторону.

Я прошла довольно далеко. За спиной снова раздались крики. Повернуться было очень страшно. Через минуту меня догнали выжившие. Стас был среди них. Они бурно обсуждали происходящее, вытирая рукавами куртки разбитые лица. Все они были очень возбуждёнными, нервно смеялись, будто были не здоровы психически.

– Как ты, моя дюймовочка? – шепнул мне на ухо любимый.

– Зачем ты впутал меня в это дерьмо? Чувствую себя как дерьмовочка теперь, – хотелось злиться от того, что мой любимый позволил мне видеть весь этот кошмар, но мне почему-то передался общий восторг.

– Да ладно тебе, согласись, круто мы их размотали, – глаза Стаса хищно горели.

– Я испугалась за тебя, – страх куда-то пропадал, и только сейчас меня в полной мере окатило волной адреналина. – Ты дрался, как Рэмбо!

Ребята начали орать песню на корявом немецком, которую они уже исполняли в кафе хором. Молодые люди по-прежнему казались мне дикими и странными, но в то же время я прониклась общей радостью победы.

Тем временем мы подошли к парку и остановились, чтобы решить, что делать дальше. Пока парни обсуждали планы и пытались дозвониться потерявшимся и пострадавшим

в драке, я услышала приглушённые крики.

– Тихо! Слышите? – перебила я обсуждения, насторожившись. – Кто-то орёт. Кажется, это во дворах.

Пока мы прислушивались, из-за угла выбежали несколько наших друзей. Они неслись со всех ног и кричали:

– Бегите!

Мы бросились врассыпную по парку. Стас схватил меня за руку и поволок за собой. Мне было очень тяжело бежать на высоких каблуках, я сильно устала.

– Стой! – попросила я любимого. – Давай сядем.

Мы уселись на лавку. Я начала страстно целовать Стаса, закрывая его грязную одежду своей курткой, а лицо руками. Мимо нас, топая тяжёлыми сапогами, пробежали люди в форме с дубинками. Кажется, мы теперь в безопасности. Некоторое время Стас переводил дыхание, а я разглядывала его ушибы, их было много.

Через час Стасу начали звонить друзья. Мы встретились в ночном клубе, похожем на старый, заброшенный амбар. У меня не было сил вникать в разговор, но я понимала, что идёт активное обсуждение боя с подсчётом раненых и восхвалением особо отличившихся. Стас попал во вторую категорию бойцов. Я им гордилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.